

что Организация Объединенных Наций не смогла настоять на своих правах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Теперь мы объявим перерыв на ленч и соберемся снова в 15 часов.

Заседание закрывается в 13 час.

СТО ПЯТОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

*Суббота, 1 ноября 1947 года, 15 час.
Флошинг Медоу, Нью-Йорк*

Председатель: г-н О. АРАНЬЯ (Бразилия)

57. Продолжение обсуждения предлагаемых новых проектов соглашений об опеке

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Мексики.

Г-н ПАДИЛЬЯ-НЕРВО (Мексика) (*говорит по-английски*): На нашем рассмотрении находится сейчас доклад Четвертого комитета (документ А/422) по вопросу о Юго-Западной Африке. Доклад доводит до сведения Генеральной Ассамблеи, что представитель Южно-Африканского Союза следующим образом изложил позицию своего правительства в этом вопросе: во-первых, правительство Южно-Африканского Союза не будет присоединять Юго-Западную Африку; во-вторых, оно не считает себя юридически обязанным представлять соглашение об опеке для этой территории; в-третьих, оно не может, считаясь с желанием преобладающего большинства жителей Юго-Западной Африки, стоящего за присоединение, передать эту территорию в систему опеки; и, в-четвертых, оно будет сохранять статус-кво, продолжать управление территорией в духе существующего мандата и представлять для осведомления Организации Объединенных Наций ежегодные доклады о своем управлении территорией Юго-Западной Африки.

В прошлом году, когда Генеральная Ассамблея рассматривала вопрос о предложенном включении Юго-Западной Африки в Южно-Африканский Союз, мексиканская делегация во время общей дискуссии в Четвертом комитете и во время обсуждения резолюции, которую Генеральная Ассамблея одобрила 14 декабря 1946 года¹, изложила мнение и позицию мексиканского правительства в отношении принципов, затрагиваемых этим вопросом. Сейчас я хочу высказать несколько замечаний по поводу решения, какое приняло правительство Южно-Африканского Союза в отношении упомянутой рекомендации Генеральной Ассамблеи, и выступить в пользу рекомендаций, предложенных нам Четвертым комитетом.

¹ См. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на второй части первой сессии, резолюция 65 (I), стр. 100.

Нам было очень приятно узнать, что правительство Южно-Африканского Союза решило не присоединять эту территорию и что в этой части оно согласилось с решениями Генеральной Ассамблеи. Мы глубоко сожалеем, что Южно-Африканский Союз отказался представить на рассмотрение Генеральной Ассамблеи соглашение об опеке для подмандатной территории Юго-Западной Африки.

Правительство Южно-Африканского Союза выдвигает в качестве основания для своего отказа то, что ясно выраженное желание подавляющего большинства всех туземных народностей Юго-Западной Африки видеть свою страну присоединенной к Союзу не позволяет правительству Союза действовать в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи.

Мы совершенно не согласны с этим аргументом.

В прошлом году правительство Южно-Африканского Союза выдвигало тот же довод, что население Юго-Западной Африки хочет аннексии. Генеральная Ассамблея не сочла этот довод основательным и отказалась согласиться на включение территории Юго-Западной Африки в Южно-Африканский Союз.

В декабре прошлого года Генеральная Ассамблея сочла, что африканское население Юго-Западной Африки еще не получило политической автономии и не достигло той стадии политического развития, когда оно могло бы выразить свое обоснованное мнение, которое Генеральная Ассамблея могла бы признать в таком важном вопросе. Как же теперь, всего девять месяцев спустя, Генеральная Ассамблея может признать, что африканское население Юго-Западной Африки достигло такого уровня политического развития, что уже может высказывать по такому важному вопросу, как выбор между опекой и аннексией, обдуманное суждение, с которым Ассамблея может считаться?

В ходе дискуссии уже многое было сказано относительно характера обязательства включить подмандатные территории в систему опеки. Одни называли его юридическим обязательством, другие моральным, третьи же не признавали его за обязательство вообще.

Я считаю, что ни один разумный человек не может оспаривать, что по Уставу существует юридическое обязательство создать международную систему опеки для управления и наблюдения за такими территориями, какие могут быть в нее включены. Но как Организация Объединенных Наций может выполнить это торжественное обязательство, если мы признаем основательным утверждение, будто на государствах-мандатариях не лежит даже морального долга способствовать выполнению этого обязательства путем представления проектов и заключения соглашений, что, согласно Уставу, является предварительным условием для создания и функционирования меж-

дународной системы опеки, которую они юридически обязались учредить?

Организация Объединенных Наций решила создать Совет по Опеке. Никто не сможет отрицать с каким-либо на то основанием, что это возлагает на государства-члены, в том числе и на государства-мандатарии, совершенно справедливое обязательство. Но какой смысл будет иметь это обязательство, если мы признаем основательным утверждение, будто на государствах-мандатариях не лежит даже морального долга включить подмандатные территории в систему опеки, в то время как предварительным условием создания этого Совета как раз и является существование подопечных территорий? Если бы государства-мандатарии имели право отказаться представлять соглашения об опеке для подмандатных территорий и если все они заняли бы такую же позицию, какую занял Южно-Африканский Союз, и заявили, что намерены управлять подмандатными территориями по-старому, не включая их в систему опеки, то никто, надеюсь, не стал бы отрицать, что юридическое обязательство, о котором я только что упоминал, было бы нарушено, а высокие принципы и торжественные обязательства, содержащиеся в главах XI и XII Устава, остались бы мертвой буквой.

Устав признает очень важные права за государствами, управляющими подмандатными территориями. Эти государства имеют право предложить проекты соглашений об опеке, какие они сами составят, а также согласиться или не согласиться с изменениями условий, что равносильно праву вето. Эта гарантия должна была бы побудить государства-мандатарии более охотно идти на заключение соглашений об опеке.

Могут быть разные мнения о том, как надо толковать 75, 77, 80 и другие статьи главы XII Устава, но я надеюсь, что члены Генеральной Ассамблеи не согласятся с заявлением, которое сделал в Четвертом комитете представитель Южно-Африканского Союза, сказав, что «можно поставить под сомнение законность резолюции Генеральной Ассамблеи».

Я считаю, что возникнет большая опасность для будущего, если мы согласимся с тезисом, согласно которому, поскольку Генеральная Ассамблея не является органом, компетентным провозглашать нормы международного права, заинтересованные государства могут игнорировать ее рекомендации всякий раз, когда сочтут, что у них есть на это какой-нибудь решающий довод. Генеральная Ассамблея не сможет провести ни одного полезного мероприятия, если члены не будут в любом случае признавать силу ее решений.

Правительство Южно-Африканского Союза решило не передавать подмандатную территорию Юго-Западной Африки в систему опеки, а сохранить статус-кво и продолжать управление этой территорией в духе мандата. Такая позиция не отвечает, по моему мнению, духу и целям гла-

вы XII Устава Организации Объединенных Наций, которая предусматривает, что все территории, ранее находившиеся под мандатом, должны быть, если им не предоставлена независимость, включены в систему опеки.

Можем ли мы сказать, что четвертый пункт преамбулы резолюции, которая находится на нашем рассмотрении (документ A/422), заходит слишком далеко? Мы этого не думаем. Мы считаем, что сама дискуссия по этому вопросу в Сан-Франциско, закончившаяся созданием международной системы опеки, является доказательством того, что государства-учредители имели твердое намерение оставить подмандатные территории под международным наблюдением. У них было твердое намерение не допустить, чтобы подмандатные территории превратились снова в колонии только из-за того, что Лига Наций была ликвидирована, а мандатная система перестала существовать. Наш Устав, который как инструмент международного сотрудничества намного превосходит по своему значению устав Лиги Наций, должен был включить и включил в себя принципы, представляющие собой шаг вперед, а не назад по сравнению с мандатной системой.

Когда вступила в силу статья 22 устава Лиги Наций, говорили, что человечество сделало большой шаг вперед. Можем ли мы сейчас отрицать, что глава XII Устава Организации Объединенных Наций предназначалась быть не только заменой статьи 22 устава Лиги Наций, но, что еще важнее, и новым шагом по тому же пути? Ни составители Устава Организации Объединенных Наций, ни авторы устава Лиги Наций никогда не имели в виду, что подмандатные территории могут вернуться к статусу колоний. А Юго-Западная Африка станет именно колонией, если мы согласимся с позицией, занятой правительством Южно-Африканского Союза.

Представитель Южно-Африканского Союза заявил в Четвертом комитете, что сохранение статус-кво не означает, конечно, что правительство Южно-Африканского Союза считает эту подмандатную территорию колонией. Правительство Южно-Африканского Союза признает, что это не колония.

Однако, если эта территория уже больше не подмандатная и если она никогда не должна стать подопечной территорией, чем же она будет? Представитель Южно-Африканского Союза изобретает новую, аномальную категорию и заявляет, что это территория *suí generis*. Представитель Соединенных Штатов Америки правильно заявил в Четвертом комитете, что Южно-Африканский Союз «не имеет юридических прав на территорию Юго-Западной Африки».

Есть две главные характерные черты, общие для всех подмандатных территорий: во-первых, каждое государство-мандатарий обязалось осуществлять управление такой территорией не по собственному праву, а от имени Лиги Наций, и,

во-вторых, все такие территории находятся под международным наблюдением.

Фельдмаршал Смэтс, которого можно считать отцом мандатной системы, предлагал, чтобы по отношению к территориям, принадлежавшим побежденным державам Европы и Ближнего Востока, Лига Наций рассматривалась как «прежний владелец в самом настоящем смысле этого слова, облеченный правом распоряжаться этими территориями в конечной инстанции, в соответствии с основными принципами. Передача этих территорий в распоряжение Лиги Наций должна прийти на смену всякой политике аннексии их другими государствами»².

Фельдмаршал Смэтс резюмировал свои соображения по этому вопросу в следующей рекомендации: «Всякая власть, контроль или администрация, которые могут оказаться необходимыми для этих территорий и их населения, помимо выбранного ими самими автономного управления, должны быть возложены на Лигу Наций, считаться функциями, принадлежащими исключительно ей, и осуществляться либо ею самой, либо от ее имени»³.

Должен добавить, что помимо Объединенных Наций, которые ясно выразили в Уставе свое намерение передать подмандатные территории в международную систему опеки, члены Лиги Наций также на двадцать первой и последней сессии Ассамблеи, где я имел честь представлять мое правительство, выразили свою озабоченность положением, в каком окажутся подмандатные территории после ликвидации Лиги, и ясно выразили пожелание, чтобы эти территории стали потом подопечными территориями.

Я прошу вашего позволения зачитать два или три пункта из этой резолюции. Вот что в них говорится, в частности:

«Напоминая, что статья 22 устава распространяет на некоторые территории, поставленные под мандат, тот принцип, что благосостояние и развитие народов, еще не способных управлять собой в нынешних, чрезвычайно сложных мировых условиях, является священным долгом цивилизации... [Ассамблея] признает, что с концом существования Лиги закончатся и ее функции в отношении подмандатных территорий, но отмечает, что главы XI, XII и XIII Устава Организации Объединенных Наций содержат принципы, соответствующие принципам, которые были провозглашены в статье 22 устава Лиги; принимает к сведению выраженное членами Лиги, управляющими ныне территориями под мандатом, намерение продолжать управлять ими в интересах благосостояния и развития населяющих их народов в соответствии с обязательствами, записанными в соответствующих мандатах, до тех пор,

пока между Организацией Объединенных Наций и различными государствами-мандатариями не будут заключены другие соглашения»⁴.

По-моему, нет оснований исключать четвертый пункт из преамбулы резолюции, содержащейся в документе А/422. Включение этого пункта ни в коей мере не будет означать, что государство-мандатарий несет юридическое обязательство представить соглашение об опеке. Это будет означать лишь то, что нынешние подмандатные территории должны стать в будущем либо подопечными, либо независимыми территориями. Этот пункт, по-моему, лишь подтверждает кредо, уже записанное в Уставе. Цель его — еще раз провозгласить нашу веру в необходимость все время стремиться к прогрессивной эволюции колониальной политики. Государства-мандатарии, каждое в отдельности, много раз выступали с заявлениями в таком духе и, как правило, особенно за последнее время, соответственно и действовали. Поэтому нет никаких основательных причин выступать сейчас против этого пункта. Государства-мандатарии не должны бояться мнения большинства Генеральной Ассамблеи и не должны стараться предотвратить принятие этой резолюции, настаивая на том, что для этого необходимо большинство в две трети. Я выражаю надежду, что эта резолюция пройдет, даже если Генеральная Ассамблея решит, что необходимо большинство в две трети, чтобы считать ее принятой. Я выражаю надежду, что эта Генеральная Ассамблея сможет согласиться с рекомендацией, одобренной Четвертым комитетом, и что правительство Южно-Африканского Союза согласится пересмотреть свое решение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): В списке есть еще восемь ораторов. Это представители Индии, Китая, Колумбии, Гватемалы, Нидерландов, Гаити, Союза Советских Социалистических Республик и Уругвая. Хочу объявить Генеральной Ассамблее, что в 16 часов запись ораторов будет прекращена.

Слово предоставляется представителю Индии.

Г-жа ПАНДИТ (Индия) (говорит по-английски): Я не собиралась выступать в этих прениях, но некоторые представители выступили с заявлениями, представляющими столь большую важность и поднимающими моральные проблемы столь кардинального значения, что я сочла необходимым ясно и недвусмысленно изложить позицию моей делегации.

Я слышала здесь весьма энергичные заявления, сводившиеся по существу к тому, что Ассамблея должна отныне перестать интересоваться судьбой подмандатной территории Юго-Западной Африки. Здесь настаивали на том, чтобы Генеральная Ассамблея не принимала никакой резолюции в связи с тем, что Южно-Африканский

² См. *The Mandates System. Origin—Principles—Application* (League of Nations, Geneva, 1945), p. 15.

³ *Ibid.*, p. 16.

⁴ См. *Официальный журнал Лиги Наций*, Специальное дополнение № 194, приложение 24, стр. 254 англ. текста.

Союз явно отказался выполнить решение, которое Генеральная Ассамблея приняла в прошлом году, то есть решение о передаче Юго-Западной Африки под международную опеку.

Здесь пытались доказать, будто правительство Союза не связано ни моральным, ни юридическим обязательством передать Юго-Западную Африку под опеку и будто позиция, занимаемая правительством Южно-Африканского Союза, правильная и не может никем оспариваться.

Я хочу со всей серьезностью подчеркнуть, что такая точка зрения сразу сводит на нет всю работу, какая была проделана за последние тридцать лет в области международной опеки, весь достигнутый прогресс.

Основной целью мандатной системы было поставить некоторые отсталые народы под охрану Лиги Наций, под наблюдение и защиту мировой совести. Правда, управление этими подмандатными территориями было доверено конкретным государствам, но это должно было стать для них священным долгом. Какое бы юридическое положение ни создалось в результате исчезновения Лиги Наций и создания Организации Объединенных Наций, народы мира все время имели в виду, и этого никто не оспаривал, что обязанности прежней Лиги в широкой сфере моральной компетенции легли теперь на Организацию Объединенных Наций. Исходя из этой предпосылки, мы и работаем фактически, и здесь, в Генеральной Ассамблее, мы продолжаем то дело, каким столь плодотворно занималась Лига Наций в таких вопросах, как борьба с торговлей белыми рабами, защита прав профессиональных союзов и так далее.

Более того, мы расширили рамки нашей деятельности, что было совершенно правильно и что встретило полное одобрение со стороны мирового общественного мнения. Можем ли мы, обсуждая этот важнейший вопрос, вопрос, с которым отсталые народы мира связывают свои лучшие надежды, заявить, что мандатная система умерла вместе с Лигой Наций, но что теперь ее надо возродить?

Не подлежит никакому сомнению, да и никто в этом никогда и не сомневался, что территории, которые были поставлены под международную систему наблюдения, должны и впредь оставаться под таким наблюдением, пока народы этих территорий не будут в состоянии сами взять на себя ответственность за свое управление.

Даже правительство Южно-Африканского Союза, хотя и неохотно, но признает справедливость такой позиции, когда заявляет, что оно намерено и в дальнейшем управлять Юго-Западной Африкой в духе мандата. А дух мандата — это международное наблюдение. Если, как оно утверждает, оно собирается управлять Юго-Западной Африкой в духе мандата, то тогда к чему все эти юридические увертки, к которым оно прибегает?

Правительство Южно-Африканского Союза доказывает, что оно не связано ни юридическим, ни моральным обязательством включать Юго-Западную Африку в систему опеки. Я не юрист, но, если говорить с точки зрения простого здравого смысла и иметь в виду историю последней четверти текущего столетия, то покажется поистине поразительным, как можно на Генеральной Ассамблее, перед нациями всего мира выступать с заявлением, что в данном случае не существует никаких моральных обязательств. Наш Устав был бы набором пустых слов, если бы не тот дух, которым он пронизан и который воодушевил народы всего мира объединиться для решения стоящих перед ними общих проблем.

Г-н Эватт воздал высокую и вполне заслуженную дань фельдмаршалу Сметсу. Я полностью разделяю высказанное им мнение, что Организация многим ему обязана. Но то, что сказал г-н Эватт, сводится к следующему: давайте положимся в этом вопросе на мудрость, опыт и государственные способности фельдмаршала Сметса и пусть нас вполне удовлетворит то, что он делает сам в этом случае.

Вопросы, которые мы обсуждаем, важнее нашего отношения к отдельным личностям. При всем нашем уважении к этой выдающейся личности мы не должны забывать о судьбе сотен тысяч африканцев Юго-Западной Африки, которые ждут от этой Ассамблеи, чтобы она защитила их интересы.

Я надеюсь поэтому, что представители хорошо взвешают эти соображения, прежде чем придут к какому-либо окончательному решению. С решения Председателя мой коллега позже выступит с дополнительным заявлением по существу предложенных резолюций.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Китая.

Г-н ЦЗЕ (Китай) (*говорит по-английски*): Мы рассматриваем индийский проект резолюции (документ А/422), который был принят Четвертым комитетом. Эта резолюция настоятельно просит правительство Южно-Африканского Союза представить соглашение об опеке для Юго-Западной Африки на рассмотрение следующей сессии Генеральной Ассамблеи.

Поправка Дании (документ А/429) ставит своей очевидной целью смягчить тон этого проекта резолюции, выразив в нем надежду, что такое соглашение об опеке будет представлено в срок, который позволит Генеральной Ассамблее рассмотреть его на своей следующей сессии. В этой поправке предлагается также исключить один пункт из преамбулы проекта резолюции (документ А/422). Китайская делегация не видит большой разницы между этими двумя текстами и не имеет возражений против поправки, предложенной датской делегацией. Китайская делегация готова даже проголосовать за нее.

Однако моя делегация не может согласиться с доводами, выдвинутыми датской делегацией в обоснование этих изменений текста. Прежде всего делегации, проголосовавшие в Четвертом комитете за принятие проекта резолюции с просьбой представить соглашение об опеке следующей сессии Генеральной Ассамблеи, вовсе не думали предъявлять Южно-Африканскому Союзу ультиматум.

Я могу напомнить, что резолюция, принятая на первой части первой сессии Генеральной Ассамблеи в Лондоне⁵, предлагала государствам-мандатариям представить соглашения об опеке для рассмотрения на второй части первой сессии, и не меньше, чем восемь таких проектов соглашений были представлены, — представлены всеми государствами-мандатариями, за исключением Южно-Африканского Союза, хотя они имели в своем распоряжении всего шестимесячный срок. Таким образом, срок был действительно установлен, но сделано это было только для удобства и для того, чтобы показать неотложный характер вопроса, и никто не усматривал в этом ультиматума. Боюсь, что дух принуждения в этой резолюции увидели те, кто хочет создать для Южно-Африканского Союза исключительное и привилегированное положение в ряду других государств-мандатариев.

Разрешите коснуться теперь процедурного вопроса: необходимо ли для принятия решения по этой резолюции большинство в две трети? Мне бы хотелось, чтобы проект резолюции был принят подавляющим большинством, как это было с почти идентичной резолюцией, принятой на прошлогодней сессии Генеральной Ассамблеи; но с процедурной точки зрения я не считаю, что в данном случае необходимо большинство в две трети, так как главный вопрос резолюции — а именно представление соглашения об опеке для Юго-Западной Африки — был уже решен в прошлом году. Настоящая резолюция не ставит новых вопросов и принимается не потому, что возникла новая ситуация.

Протоколы заседаний прошлой Генеральной Ассамблеи, на которые здесь ссылались сегодня утром, по-видимому, содержат расхождения между английским и французским текстами, но так как тогдашний Председатель Генеральной Ассамблеи г-н Спаак говорил по-французски, то, очевидно, следует отдать предпочтение французскому тексту, а в нем упоминания о большинстве в две трети нет.

Что касается той части датской поправки, в которой предлагается исключить из преамбулы пункт, где говорится о цели Устава, то китайская делегация не считает, что его исключение может изменить смысл или цель резолюции, но она твердо придерживается мнения, что исключение

этого пункта не должно рассматриваться как молчаливое согласие с мыслью, высказанной некоторыми сторонниками этой поправки, будто включение всех подмандатных территорий в систему опеки не является целью Устава.

Согласно уставу Лиги Наций управление подмандатной территорией возлагалось на государство-мандатария как священный долг, который оно должно было выполнять от имени Лиги Наций. Каждый мандат был и является международным обязательством, международным соглашением и международной миссией. Это не такой вопрос, который может решаться каким-либо государством самостоятельно. Я уверен, что во время Конференции в Сан-Франциско многие делегации считали само собой разумеющимся, что после ликвидации Лиги Наций подмандатные территории будут переданы в систему опеки, которую рассматривали не только как продолжение, но и как улучшение мандатной системы, и если в Уставе не были названы по имени все подмандатные территории, то только потому, по моему, что некоторым из них независимость могла быть дана, и фактически была дана, немедленно. Факультативный характер положений Устава, касающихся опеки, объясняется еще и тем, что их авторы намеревались предоставить определенную свободу действий для выработки условий соглашений об опеке, которые предстояло заключить.

В намерения авторов Устава, когда они создавали систему опеки, которая должна была заменить собой мандатную систему, меньше всего входило позволять, чтобы какая-нибудь подмандатная территория осталась вне поля международного наблюдения. В Комитете некоторые выдвигали тот аргумент, что устав Лиги Наций не дает разрешения на передачу подмандатных территорий Организации Объединенных Наций. Я отвечаю на это, что авторы устава Лиги Наций не могли предвидеть события, которые привели к ликвидации Лиги Наций и мандатной системы и к созданию Организации Объединенных Наций и системы опеки. Кроме того, Лига Наций на одном из своих последних заседаний единогласно приняла резолюцию, предписывавшую государствам-мандатариям продолжать управление подмандатными территориями в соответствии с обязательствами, содержащимися в их мандатах, до тех пор, пока между Организацией Объединенных Наций и этими государствами-мандатариями не будут заключены какие-либо другие соглашения по этому вопросу.

В некоторых вопросах мне трудно согласиться с главой австралийской делегации, который сам так много сделал для создания системы опеки. Я считаю, что он оказал большую услугу Организации Объединенных Наций, представив соглашение об опеке для Науру в момент, когда стали предприниматься попытки сузить масштабы и задержать развитие системы опеки.

Я не хочу вступать в долгие споры по вопросу

⁵ См. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на первой части первой сессии, резолюция 9(1), стр. 13.

о том, содержится ли в Уставе какое-либо юридическое обязательство, ибо ничто так ясно не доказало, что обязательство — и юридическое и моральное — существует, как резолюции, которые уже не один раз принимала по этому вопросу Генеральная Ассамблея, представляющая совесть человечества. Можно спорить даже о том, надо ли находить в этом случае обязательные постановления. Согласно статье 77 Устава, система опеки распространяется на три категории территорий, из которых первая включает территории, ныне находящиеся под мандатом. О необходимости добровольного акта упоминается лишь в связи с третьей категорией территорий, и это вряд ли может касаться территорий, находящихся под мандатом. Слово «добровольно», примененное к третьей категории, придает обязательный смысл этому постановлению в отношении первых двух категорий, особенно в отношении подмандатных территорий, которые особо упоминаются в пункте 2 статьи 80 Устава, подчеркивающим, что не должно быть задержки или отсрочки переговоров и заключения соглашений о включении подмандатных территорий в систему опеки.

Поэтому я считаю, что на государстве-мандатарии определенно лежит обязательство включить подмандатные территории в систему опеки, и это обязательство было признано, когда Генеральная Ассамблея в своей резолюции от 9 февраля 1946 года потребовала передачи подмандатных территорий под опеку. Это находит свое подтверждение и в том, что все государства-мандатарии, за одним лишь исключением, в ответ на эту резолюцию уже представили соглашения об опеке.

Так что, хотя здесь и делался большой упор на якобы отсутствие юридического обязательства включить подмандатные территории в систему опеки, я еще не услышал никаких юридических доказательств того, что с ними можно поступить иначе. Нам говорят, что Южно-Африканский Союз намерен управлять территорией Юго-Западной Африки в духе мандата Лиги Наций. Я не сомневаюсь в искренности этого заявления Южно-Африканского Союза, но мы все знаем, что мандатная система перестала существовать и что вместо нее создана система опеки. Разве не лучше будет управлять этой территорией в соответствии с принятой в настоящее время системой, чем в соответствии с системой, которая уже отмерла?

Некоторые представители ссылались на то, что фельдмаршал Сметс сыграл ведущую роль в создании мандатной системы после первой мировой войны. Я первый готов отдать должное этому выдающемуся государственному деятелю, что я и сделал в прошлом году, и если не по другим, то только по одной этой причине мы надеемся, что Южно-Африканский Союз сможет представить соглашение об опеке для Юго-Западной Африки на рассмотрение третьей очередной сессии Генеральной Ассамблеи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово к порядку ведения заседания предоставляется представителю Бельгии.

Г-н РИКМАНС (Бельгия) (*говорит по-французски*): Г-н Председатель, представитель Соединенных Штатов сказал сегодня утром, что в английском тексте *Журнала Организации Объединенных Наций* заявление Председателя на заседании 14 декабря 1946 года⁶ застенографировано так: «Я думаю, что лучше будет провести поименное голосование, потому что для решения этого вопроса необходимо большинство в две трети, и я хочу избежать всякой ошибки».

Французский текст этого места *Журнала* гласит: «Я думаю, что лучше будет провести поименное голосование, так как мне не хотелось бы совершить ошибку при подсчете». Здесь нет упоминания о необходимости большинства в две трети.

Ввиду такого разночтения я решил удостовериться, что же было сказано в действительности, и благодаря любезности и хорошей работе Секретариата Организации Объединенных Наций, которому я рад воздать должное, я сейчас имел возможность прослушать пластинку. Я не без некоторого волнения слушал голос нашего Председателя. Вот слова, сказанные им в прошлом году (цитирую их точно): «Господа, я считаю, что будет лучше провести поименное голосование, потому что для решения этого вопроса необходимо большинство в две трети, и мне не хотелось бы допустить какую-нибудь ошибку».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Этот вопрос, который нам помог выяснить представитель Бельгии, будет рассмотрен, когда для Генеральной Ассамблеи наступит время решить, необходимо ли в данном случае большинство в две трети. Тогда мы все будем иметь удовольствие прослушать пластинку с записью заявления бывшего Председателя Спаака.

Слово предоставляется представителю Колумбии.

Г-н ИЕПЕС (Колумбия) (*говорит по-французски*): Колумбийская делегация будет голосовать против исключения четвертого пункта из резолюции, предложенной Четвертым комитетом, так как мы считаем, что статья 77 Устава налагает не только моральное, но и юридическое обязательство. В этой статье ясно сказано, что система опеки распространяется в числе прочих территорий на территории, ныне находящиеся под мандатом. Повелительная формула, фигурирующая в английском тексте статьи 77, «shall apply», не оставляет на этот счет никаких сомнений. Это верно и в отношении испанского текста, который гласит: «El Régimen de Administración Fiduciaria se aplicará», то есть «Система опеки должна распространяться».

⁶ См. *Журнал Организации Объединенных Наций*, № 63, 19 декабря 1946 года, Дополнение А — А/Р.V./64, стр. 679 англ. текста.

Если, как утверждалось с этой трибуны, статья 77 не налагает юридического обязательства, то от чьего же имени будет выполняться мандат бывшей Лиги Наций?

Он, конечно, не может выполняться от имени Лиги Наций, так как она перестала существовать, и мандат не может выполняться от имени учреждения, которого уже нет. В гражданском праве, как мы все знаем, доверенность теряет силу со смертью доверителя. Этот принцип по аналогии можно распространять и на международное право. Можно сделать вывод, что так как Лига Наций умерла, то потеряли силу и мандаты, которые выполнялись от ее имени, и территории, о которых идет речь, должны быть включены в систему опеки, созданную статьей 77 Устава.

На Конференции в Сан-Франциско колумбийской делегации выпала большая честь предложить в качестве одного из основных принципов всей международной жизни принцип добросовестного выполнения обязательств, который и был включен в статью 2 Устава. В данном случае речь идет о добросовестном толковании Устава. Добросовестность, которая стала теперь обязательной для всех членов Организации Объединенных Наций, вменяет нам в обязанность, как сказано во втором пункте статьи 1 Устава, «развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов...»

Статья 73 Устава опять-таки гласит, что «члены Организации Объединенных Наций, которые несут или принимают на себя ответственность за управление территориями, народы которых не достигли еще полного самоуправления, признают тот принцип, что интересы населения этих территорий являются первостепенными, и как священный долг принимают обязательство максимально способствовать благополучию населения этих территорий в рамках системы международного мира и безопасности, установленной настоящим Уставом».

По мнению моей делегации, мы должны добросовестно решить, что территории, находившиеся ранее в мандатной системе бывшей Лиги Наций, должны быть переданы в систему опеки, созданную Уставом Организации Объединенных Наций. Мы считаем поэтому, что четвертый пункт резолюции, предложенной Четвертым комитетом, надо оставить.

Даже те, кто не разделяет мнения, что статья 77 носит обязательный характер, должны согласиться, в соответствии с духом Устава, что все эти подмандатные территории должны быть включены в систему опеки. А об этом и говорится в четвертом пункте резолюции, который сейчас предлагают исключить и который гласит (документ А/422): «Принимая во внимание, что четко выраженной целью главы XII Устава Организации Объединенных Наций является включить все территории, ранее находившиеся под мандатом, в международную систему опеки до тех пор, пока

им не будет предоставлено самоуправление или независимость».

«Четко выраженная цель», как сказано в резолюции, или «дух», как сказали мы, — это одно и то же.

Мы склоняемся к тому, чтобы рассматривать заключительную часть поправки датской делегации как приемлемый для Южно-Африканского Союза компромисс, результатом которого будет устранение из окончательного текста резолюции тех дефектов, какие вызывали возражения. Наша позиция в этом вопросе основана исключительно на юридических соображениях и нашем желании добиться торжества основных принципов Устава. Мы не хотим голосовать за что-либо такое, что Южно-Африканский Союз мог бы рассматривать как порицание. Отнюдь нет; наше желание лишь в том, чтобы соблюдены были буква и дух Устава.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я попрошу Помощника Генерального Секретаря зачитать список представителей стран, записавшихся для выступления. После этого список ораторов будет закрыт.

Г-н ХУ (Помощник Генерального Секретаря по Департаменту по делам опеки и информации о несамостоятельным территориям) (*говорит по-английски*): В списке ораторов остаются еще представители следующих стран: Гватемалы, Нидерландов, Гаити, Союза Советских Социалистических Республик, Уругвая, Сирии, Пакистана, Ирака, Индии, Южно-Африканского Союза и Либерии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Представитель Бельгии хотел выступить к порядку ведения заседания. Насколько я понимаю, однако, сейчас он уже не хочет обращаться к Генеральной Ассамблее по этому вопросу.

Поэтому слово предоставляется представителю Гватемалы.

Г-н МЕНДОСА (Гватемала) (*говорит по-испански*): Делегация Гватемалы последний год с большим интересом следила за дебатами в Генеральной Ассамблее по вопросу о Юго-Западной Африке. В принципе моя делегация была против включения территории Юго-Западной Африки в Южно-Африканский Союз. В принципе она считает также, что на Южно-Африканском Союзе лежит непреложное юридическое обязательство включить Юго-Западную Африку в новую систему опеки, созданную Уставом Организации Объединенных Наций.

По мнению делегации Гватемалы, это обязательство очень ясно сформулировано в пункте 1а статьи 77 Устава. На данной стадии дискуссии моя делегация придерживается вполне ясной и определенной точки зрения по этому вопросу.

При виде того, как некоторые делегации настойчиво пытались дать другую интерпретацию совершенно ясному тексту этой статьи, моя деле-

гация при всем уважении к ним не могла не испытывать глубочайшего удивления. Я не хочу здесь повторять того, что уже было сказано насчет этого обязательства в ходе долгих дебатов в прошлом году и во время нынешней сессии; но я хочу обратить внимание Генеральной Ассамблеи на создавшуюся сейчас ситуацию.

Южно-Африканский Союз не имеет абсолютно никаких прав на Юго-Западную Африку. Союз не является владельцем этой территории, не имеет суверенитета над ней, а просто управляет ею в силу полученного мандата, то есть не от собственного, а от чужого имени. Этот мандат дала Южно-Африканскому Союзу Лига Наций, и он управлял этой территорией от имени этого органа, который больше не существует. Может быть, Южно-Африканский Союз унаследовал права и функции Лиги Наций и может поэтому продолжать управлять этой территорией от своего собственного имени? Нет, конечно. Государство-мандатарий управляет сейчас этой территорией от имени наследницы Лиги Наций и юридически обязано выполнять ее волю. Этой наследницей является, конечно, Организация Объединенных Наций, которая уже выразила свое пожелание в отношении Юго-Западной Африки как нельзя более ясно. Наследница Лиги Наций хочет, чтобы территория Юго-Западной Африки была включена в новую систему опеки. Об этом ясно сказано в резолюции Генеральной Ассамблеи 65 (I), принятой 14 декабря 1946 года.

Следовательно, если даже предположить, — конечно, не признавая этого, — что какое-то определенное положение Устава не возлагает на Южно-Африканский Союз юридического обязательства передать эту территорию в систему опеки, он все равно юридически обязан подчиниться воле наследницы ликвидированной ныне организации, предоставившей мандат; а эта воля, как я только что сказал, уже была выражена вполне ясно и точно.

Делегация Гватемалы поддерживает проект резолюции, одобренный Четвертым комитетом, и не согласна с исключением четвертого пункта преамбулы, ибо убеждена, что фактически это как раз то, что означает пункт 1а статьи 77 Устава.

Моя делегация предложила в Комитете, чтобы Организация Объединенных Наций установила определенный срок для выполнения Южно-Африканским Союзом этого своего долга. Такой срок также точно установлен в проекте резолюции, который одобрил Комитет. Тем не менее, если Ассамблея пожелает в качестве примирительного жеста исключить это условие из текста предложенной резолюции, моя делегация не будет возражать против принятия резолюции с такой поправкой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Нидерландов.

Г-н КЕРНКАМП (Нидерланды) (*говорит по-английски*): В вопросе о Юго-Западной Африке моя делегация придерживается мнения, что с этой подмандатной территорией создавалась ненормальная ситуация.

Мандатная система сейчас перестала действовать. Поскольку нет уже контролирующей власти, нет больше и мандатной системы. Добровольная передача Южно-Африканским Союзом информации Совету по Опеке просто ради его информации не дает еще этому Совету той же юрисдикции, какую имела Постоянная мандатная комиссия.

Кроме того, с нашей точки зрения, система опеки является прогрессом по сравнению с мандатной системой. Поэтому никто не должен стараться спасти то, что осталось от этой старой системы.

Наконец, мы рассматриваем нынешнюю ситуацию как шаг назад, поскольку территория, когда-то находившаяся под международным наблюдением, сейчас не подчинена никакому контролю; кроме того, она не приблизилась к независимости и не слилась по собственной доброй воле и обдуманному решению с какой-нибудь другой суверенной страной.

С другой стороны, моя делегация вполне убеждена в том, что не существует юридического обязательства по Уставу передавать подмандатную территорию в систему опеки. В Четвертом комитете мы подробно излагали наши аргументы — основанные все на Уставе — в обоснование этой точки зрения, и я не собираюсь повторять их здесь, как это делали некоторые другие представители. Абсолютную уверенность в этом вопросе можно получить, лишь обратившись за консультативным заключением к Международному Суду — юридическому органу, а не делая те или иные заявления в Ассамблее, которая является политическим органом.

Не только мы, но и многие другие государства считают, что есть достаточно очевидных доказательств, что такого обязательства не существует. А поскольку, по нашему мнению, никакого юридического обязательства нет, мы считаем своим долгом категорически возражать против четвертого пункта преамбулы резолюции, предполагающего наличие такого юридического обязательства. Мы можем лишь предложить Южно-Африканскому Союзу сделать то, о чем мы его просим, но не больше.

Нам не очень нравятся слова «настоятельно просит», записанные в резолюции, и мы предпочли бы одно слово «просит», что было бы, кстати, и более вежливо. В виде компромисса, однако, мы могли бы согласиться и на эти два слова.

Если мы, члены Организации Объединенных Наций, будем класть в основу нашего требования только моральное обязательство, то совершенно ясно, что мы не сможем голосовать за эту

резолюцию в том виде, в каком ее предложил Четвертый комитет, то есть с указанием точного срока. Моральная сила требует времени, чтобы возыметь эффект. Правительство Южно-Африканского Союза не может действовать в этом вопросе, не получив на это санкции своего парламента. Парламент в свою очередь не сможет действовать, если он не получит поддержки со стороны общественного мнения Южно-Африканского Союза. Если мы хотим действовать разумно и справедливо, мы должны дать общественному мнению Южно-Африканского Союза какое-то время, пока его можно будет убедить в правильности нашей точки зрения. Мы считаем, что для этого нужно значительное время; во всяком случае, не точно один год, что совершенно нелогично. Поэтому мы будем голосовать за принятие датской поправки (А/429), которая не устанавливает такого точного срока.

Что касается вопроса о большинстве в две трети, то мы совершенно согласны с аргументами, которые изложил сегодня утром представитель Соединенных Штатов. Но, даже если эти юридические аргументы оставить в стороне, каков будет моральный эффект резолюции, принятой, как это может случиться, только простым большинством? Даже если предположить на минуту, что Устав не требует в данном случае большинства в две трети, то и тогда, мы думаем, представителю Индии следовало бы настаивать на принятии резолюции большинством в две трети, с тем чтобы на стороне этого решения была полная моральная поддержка нашей Организации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Гаити.

Г-н ВЬЕ (Гаити) (*говорит по-французски*): Мне кажется, что в связи с обсуждаемой проблемой для Генеральной Ассамблеи возникает два вопроса. Первый — это процедурный вопрос, и касается он если не метода подсчета голосов, то, во всяком случае, большинства, какое необходимо для принятия этой резолюции. Второй — это вопрос существа, вопрос о том, должна ли Генеральная Ассамблея на своем пленарном заседании принять резолюцию, предложенную Четвертым комитетом, или же отдать предпочтение поправке, представленной Данией.

На процедурном вопросе я не буду подробно останавливаться. Действительно, если я не ошибаюсь, г-н Председатель, вы сказали, что этот вопрос будет решен Ассамблеей, когда наступит время голосовать. Если это так, то я думаю, что представителям, излагающим свою позицию, нет необходимости высказывать свое окончательное мнение по этому вопросу.

Если я ошибаюсь и от делегации Гаити требуется уже теперь высказать свое мнение по этому вопросу, то разрешите мне сказать только, что, по нашему мнению, в этом случае большинство в две трети не является необходимым. Статья 18 Устава и правило 78 правил процедуры позволяют нам быть совершенно уверенными в этом.

Мы считаем, что список «важных вопросов», для решения которых требуется, согласно Уставу, большинство в две трети, имеет, как всякие ограничения в праве, абсолютно точные пределы; и поскольку законодатель — а для наших сессий и заседаний нужны законы — счел необходимым перечислить вопросы, являющиеся важными и требующие поэтому решения большинством в две трети, мы не можем, не извращая закона, ломать или перешагивать установленные им рамки или путем аналогии причислять к важным другие вопросы, которые могут нам показаться аналогичными. Тут, по-моему, нужно строго придерживаться закона; поэтому Ассамблея, как сейчас, так и в будущем, может выносить решения по такому вопросу только простым большинством.

А теперь я перейду к главному — к изложению позиции делегации Гаити в отношении резолюции, которую мы обсуждаем. По моему мнению, вопрос этот имеет два аспекта — гуманитарный и юридический. Гуманитарный его аспект становится очевидным, стоит только нам подумать о том, как наше решение может отразиться на жизни сотен тысяч людей. На это здесь уже указывали, и всякого, кто способен чувствовать, не оставит равнодушным мысль о том, что все, здесь происходящее, может иметь неисчислимые последствия не только для значительной части человечества — потому что люди живут и умирают, таков естественный ход вещей, — но и для важной части драгоценнейшего наследия человечества, каким являются гуманитарные, моральные и философские ценности, передающиеся из поколения в поколение и сделавшие человека таким, что мы, люди, сегодня гордимся собой.

Я считаю, что суть происходящей здесь дискуссии — дискуссии, касающейся лишь каких-то народностей, которых мы плохо знаем и которые, может быть, даже заслуживают того забвения, в каком они до сих пор пребывают, — именно в этом великом вопросе распространения всего, чего достиг современный человек, на все человечество. Этот общий и благородный гуманитарный аспект, за упоминание о котором меня упрекали, идет из глубины сердца и представляет, как мне кажется, чрезвычайную важность. Тем не менее я не буду о нем больше говорить, сколь бы важным он ни был; я коснулся его только затем, чтобы предварить второй, чисто юридический вопрос: есть ли определенные и подходящие основания с точки зрения разума, логики и права для принятия резолюции Четвертого комитета?

Когда я рассматриваю эту резолюцию с чисто юридической стороны, я должен сделать вывод, что она вполне обоснованна. Никто, в самом деле, не может поставить под сомнение то, что с юридической точки зрения Южно-Африканский Союз должен и в некотором смысле даже обязан согласиться с необходимостью передать территорию Юго-Западной Африки под опеку.

Статья 77 Устава здесь уже цитировалась. По моему, эта статья не оставляет никакого сомнения в том, что принципы Организации Объединенных Наций и цели, преследуемые ее Уставом, заключаются в том, чтобы вести отсталые народы шаг за шагом к свету, к такой эволюции, которая в конечном счете позволит им возложить на собственные плечи ответственность за свои социальные и политические судьбы.

Как уже подчеркивал здесь один из представителей, статья 77 совершенно ясно указывает, что:

«Система опеки распространяется на такие территории из нижеперечисленных категорий, которые могут быть включены в нее соглашениями об опеке:

а) Территории, ныне находящиеся под мандатом;

б) Территории, которые могут быть отторгнуты от вражеских государств в результате второй мировой войны, и

с) Территории, добровольно включенные в систему опеки государствами, ответственными за их управление».

Наличие слова «добровольно» в третьем случае и отсутствие его в первых двух случаях служит убедительным доказательством, что все территории, ныне находящиеся под мандатом, должны быть немедленно включены в систему опеки, хочет того или нет государство-мандатарий.

В этом не может быть ни малейшего сомнения. Именно такой вывод следует из трезвого и объективного толкования этих текстов. Вопрос не вызывает, следовательно, никаких юридических сомнений и должен быть для нас совершенно ясен.

К такому же выводу, как уже здесь подчеркивалось, нас приводит весь смысл, вся философия Устава; и если букве противостоит дух, то кто из нас захотел бы держаться за букву? Мы все знаем, что в вопросах толкования решающее значение всегда должен иметь дух. Так вот, дух Устава нам ясен: мы должны довести развитие мира до такой стадии, когда, оставив позади колониальную систему и поднявшись на уровень мандатной системы, он поднимется на еще более высокий уровень системы опеки как более отвечающей нашим современным идеям, которые требуют, чтобы народы мира все время двигались с одной ступени цивилизации на другую, более высокую ступень.

Итак, если я хочу следовать духу и держаться буквы Устава, — а его положения для нас бесспорны, — то как я могу не признать, что на Южно-Африканском Союзе лежит юридическая обязанность передать территорию Юго-Западной Африки под опеку?

Далее. В результате отказа признать это обязательство как раз и возникла ситуация, с кото-

рой мы сейчас столкнулись. Нам говорят, что мандатная система умерла, что ее больше не существует, но что территорию Юго-Западной Африки нельзя допустить к благам системы опеки. Что же получается? В каком положении мы оказываемся?

Мы имеем дело с ситуацией де-факто, а не де-юре. Между тем важно, чтобы люди, как и государства, управлялись в соответствии с каким-то статусом, каким бы он ни был. Мы должны иметь какое-то определение, которое позволило бы нам уяснить наше положение. Какая же ситуация сейчас создалась?

Я думаю, что мы все пришли сейчас к соответствующим выводам и что нам надо признать лежащее на Южно-Африканском Союзе юридическое обязательство включить территорию Юго-Западной Африки в систему опеки.

Однако некоторые члены Комитета не согласились с тем, что такое юридическое обязательство существует; говорили, что Южно-Африканский Союз не обязан будет сделать то, что предписывают ему сделать разум и текст Устава. Говорили, что существует лишь чисто моральное обязательство. И вот, потому что существует это моральное, неясное и неопределенное, в высшей степени туманное и расплывчатое обязательство, Комитет проголосовал за резолюцию, которая сейчас лежит перед вами и к которой я теперь перейду.

Я хочу подчеркнуть, что эта резолюция была принята только для того, чтобы уклониться от признания, что юридическое обязательство существует. Она была принята для того, чтобы не прибегать к какому-либо принуждению Южно-Африканского Союза, и потому, что, как нам говорили, нужно уважать его право или права, быть может, даже его право противиться духу Устава!

Высочайшая в мире ассамблея, в которой представлены все государства, вся мировая совесть решила, что она может себе позволить принять такую резолюцию, в которой Южно-Африканскому Союзу только рекомендуется сделать то, что он обязан сделать. А теперь считают, что и это слишком много, и нас просят — нас, заседающих в этой высочайшей мировой ассамблее, — отступить даже здесь, в этом вопросе, который был согласован, и сделать принятую нами резолюцию, которой и так не достаёт четкости, еще более расплывчатой, чтобы в конечном счете покончить с ней совсем.

Я не знаю, господа, что вы, по совести, думаете об этом и насколько вы верите в то, что соблюдаете клятву, которую дали гуманные нации, когда после самой катастрофической из войн призвали все народы объединиться для построения новой цивилизации.

Я хочу отметить, что текст резолюции абсолютно прост. Я не хочу зачитывать его снова; это сделали уже другие, и я слишком благодарен

за ваше внимание, чтобы им злоупотреблять. Итак, я не буду зачитывать резолюцию, поскольку вы хорошо с ней знакомы. Текст ее носит чрезвычайно неопределенный характер; он не принуждает, не подавляет воли других народов, он только рекомендует и приглашает данные народы признать права определенной части людей, которые, как это мы все должны признать, несмотря на свою бедность, остаются людьми. А поскольку принуждения нет, вы, конечно, можете согласиться с этой резолюцией. Если принять поправку, предложенную делегацией Дании, то из резолюции выпадут два очень важных пункта. Во-первых, не будет указана причина, по которой эта резолюция была принята Комитетом. Во-вторых, не будет установлен срок Южно-Африканскому Союзу для выполнения рекомендаций Комитета.

Таким образом, хотя дух Устава является ясным и определенным и все, что Комитет сделал, — это проголосовал в соответствии с этим духом и правами суверенных народов, — правами, которые тоже имеют определенное значение, — нас хотят обязать теперь, только чтобы угодить Южно-Африканскому Союзу, изъять из преамбулы этой резолюции то единственное место, где провозглашается наша вера в будущее человечества, где говорится, что мы просим принять эту резолюцию, потому что она соответствует всему тому, что мы считаем гуманным, справедливым и приемлемым для каждого, в ком есть совесть.

Я не хочу отказываться от подходящего тона и вносить в чисто юридическую дискуссию неуместные для нее сентиментальные нотки; но вы должны простить меня, если в своей речи я временно несколько горячусь; дело в том, что этот вопрос глубоко меня задевает, и, по правде говоря, я не совсем понимаю, что здесь происходит. Как бы то ни было, я считаю, что не установить для Южно-Африканского Союза годичный срок для выполнения рекомендации Ассамблеи — значит отойти от резолюции, принятой Комитетом, и лишить ее почти всякой силы. Тогда Южно-Африканский Союз сможет бесконечно откладывать выполнение своего обязательства. Я не думаю, что это входит в ваши намерения; но если будет принята датская поправка, то резолюция, и без того уже довольно слабая, станет еще более слабой и совершенно бесполезной.

Вот почему я прошу вас отклонить эту поправку и проголосовать за резолюцию в том виде, в каком она была сформулирована и принята Четвертым комитетом.

Единственный аргумент, какой я мог бы выдвинуть в пользу датской поправки, заключается в том, что принять предложенную вам резолюцию значило бы нанести обиду Южно-Африканскому Союзу. Но разве не будет обидой для нас самих требовать, чтобы мы отrekliсь от того, что считаем справедливым?

Я не думаю, что этот вопрос заслуживает дальнейшего рассмотрения.

Делегация Республики Гаити взяла слово, чтобы ясно заявить, что она будет голосовать за резолюцию Четвертого комитета и против поправки, предложенной делегацией Дании. Мы, повторяю, при этом вовсе не хотим отказать в нашем уважении некоторым названным здесь странам. Мы знаем, какую роль играли они в мировых делах, и не собираемся эту роль уменьшать.

Но делегация Республики Гаити считает, что чьи-то прошлые заслуги не должны препятствовать нашим планам на будущее. Мы полагаем, что, если есть люди, которые страдают, нуждаются в помощи и требуют для себя лучших жизненных условий, долг нашей страны, родившейся в особых обстоятельствах, выступить и потребовать для этих людей несколько большего благополучия и лучшей жизни.

Ясно, что судьба Юго-Западной Африки представляет собой именно такой случай. Только по этой причине, а также потому, что мы считали нужным высказать нашу общую позицию, делегация Гаити решила выступить в этих прениях.

Хочу процитировать в заключение несколько слов для иллюстрации того, в чем корень проблемы; это слова одного из величайших умов Франции и одного из благороднейших людей, каких когда-либо рождала эта страна, слова Жореса. Жорес упрекнул одного человека, который разглагольствовал о великих принципах французской революции, в том, что пламя ее идей в нем давно угасло, оставив один пепел.

После тех времен, которые мы пережили, родилось и нашло выражение много чувств, появилось много идей, идей, которыми живут народы. И, принимая решения такого характера, как сейчас, представители должны помнить, что их долг — постоянно поддерживать пламя надежды на лучшее будущее мира, чтобы оно не превратилось в пепел.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Слово предоставляется представителю Союза Советских Социалистических Республик.

Г-н ШТЕЙН (Союз Советских Социалистических Республик): Мы обсуждаем в настоящий момент доклад Четвертого комитета в части, касающейся рекомендации о Юго-Западной Африке. Обсуждению подлежит как текст принятой Четвертым комитетом рекомендации, так и поправка, внесенная делегацией Дании, к этому тексту. Именно в этом и состоит предмет нашей дискуссии. Это обстоятельство, однако, не мешало представителю Австралии г-ну Эватту выступить с предложением о том, чтобы вообще никакой рекомендации по вопросу о Юго-Западной Африке не было принято. Вопрос не обсуждается сейчас, принимать или не принимать рекомендацию, а речь идет лишь о том, какой текст рекомендации принять. Это обстоятельство

не смутило г-на Эватта. Не смутило его также и то, что в Четвертом комитете не возникало и вопроса о том, следует или не следует принимать рекомендацию, касающуюся Юго-Западной Африки, и лишь разошлись мнения относительно текста двух пунктов этой рекомендации.

Пренебрегая мнением всего Четвертого комитета, г-н Эватт внезапно выступает в качестве оруженосца Южно-Африканского Союза, добиваясь в угоду аннексионистам Южной Африки, чтобы не было принято никакой резолюции на настоящей Генеральной Ассамблее. Иными словами, г-н Эватт призывает к ревизии прошлогоднего решения Генеральной Ассамблеи, которая оказалась единодушна в своем требовании, обращенном к Юго-Западной Африке. Генеральная Ассамблея в прошлом году, как известно, рекомендовала, чтобы правительство Южной Африки предложило на рассмотрение Генеральной Ассамблеи соглашение об опеке. Правительство Южной Африки, как известно, также отказалось выполнить эту рекомендацию и установило для Юго-Западной Африки абсурдную юридическую систему, выражающуюся в том, что управление Юго-Западной Африкой осуществляется «в духе мандата Лиги Наций». Я говорю об абсурдной юридической системе, поскольку в 1947 году, после того как прекратила существование Лига Наций, после того как не существует системы мандатов, ссылаются на эту систему для того, чтобы прикрыть фактическую аннексию Юго-Западной Африки. Что эта фактическая аннексия уже осуществляется, какими бы фразами ее ни прикрывали, по-видимому, сомнения не может быть.

Что же предлагает в этих условиях г-н Эватт? Не что иное, как капитуляцию перед Южно-Африканским Союзом. Не что иное, как полный отказ от того, что единодушно решила Генеральная Ассамблея в прошлом году. И это, по-видимому, согласно мнению г-на Эватта, и является защитой принципов и положений Устава Объединенных Наций. Мы называем такое предложение иначе. Мы называем это грубым нарушением Устава, полным пренебрежением к собственным решениям, капитуляцией перед теми, кто не только не желает выполнять рекомендации Ассамблеи, но и заявляет, как это заявил летом 1947 года фельдмаршал Смэтс: «Отношения Юго-Западной Африки с Южно-Африканским Союзом окончательно определены, и ничто, кроме войны, не может изменить этого положения». Таким образом, не Генеральная Ассамблея ставит ультиматум Южной Африке, как пытался доказать здесь г-н Эватт, а южноафриканское правительство устами фельдмаршала Смэтса ставит ультиматум Генеральной Ассамблее, и г-н Эватт в помощь отсутствующему фельдмаршалу спешит предложить Генеральной Ассамблее безоговорочную капитуляцию.

Делегация Советского Союза настаивает на необходимости принятия рекомендации, которая подчеркивает, что Организация Объединенных

Наций продолжает настаивать на передаче территории Юго-Западной Африки под режим опеки. Предложение г-на Эватта о непринятии резолюции должно быть решительно отвергнуто.

Я перехожу к вопросу об изменениях, предложенных к тексту принятой Четвертым комитетом рекомендации. Здесь снова возник спор относительно того, обязательно ли или нет передавать бывшие мандатные территории под режим опеки. Вы знаете, что этот спор идет давно и что все те, кто желает аннексировать подмандатные территории, охотно цепляются за каждую запятую в Уставе для того, чтобы доказать, что нет обязательства передавать эти территории под опеку и что это может быть только добровольным актом.

Делегация Союза Советских Социалистических Республик не считает нужным на данной стадии обсуждения вопроса о рекомендации, касающейся Юго-Западной Африки, вступать в юридическую дискуссию. Она считает, что аргументы в пользу обязательности режима опеки для бывших подмандатных территорий, изложенные здесь представителем Польши и целым рядом других представителей, были совершенно правильными и неоспоримыми. К этим аргументам можно прибавить лишь одно весьма простое положение: если стать на точку зрения тех, кто утверждает, что Южно-Африканский Союз не обязан представлять Юго-Западную Африку под режим опеки, то, очевидно, с этой точки зрения такое же право имеет каждый бывший мандатарий. Можно себе представить, что получилось бы, если бы все бывшие мандатарии воспользовались таким правом, которое нельзя было бы оспаривать, если бы такое право вообще существовало. В этом случае оказалось бы, что ни система международной опеки, ни главы XII и XIII Устава Организации Объединенных Наций не имели бы вообще применения.

С точки зрения делегации Советского Союза этот вопрос не может быть решен иначе, как признанием того, что Устав ясно говорит об обязательности передачи бывших подмандатных территорий под режим опеки. Вот почему советская делегация считает, что пункт четвертый преамбулы рекомендации, принятой Четвертым комитетом, правильно отражает указанные выше положения.

Во время дискуссии возник также и процедурный вопрос, а именно, каким большинством должна быть принята рекомендация, касающаяся Юго-Западной Африки. Здесь раздавались голоса в пользу необходимости большинства в две трети для принятия этой рекомендации. При этом имела место ссылка на статью 18 Устава Организации Объединенных Наций. Эта ссылка не может быть признана удачной для защиты необходимости большинства в две трети. В самом деле, статья 18 в числе тех вопросов, которые она называет «важными вопросами», упоминает также и вопросы, относящиеся к опеке. Но

какие вопросы? Статья 18 точно перечисляет, какие вопросы опеки она считает важными. Этими вопросами являются, согласно этой статье, лишь выборы непостоянных членов Совета по Опеке и «вопросы, — я цитирую, — относящиеся к функционированию системы опеки». Таким образом, совершенно очевидно, что все остальные вопросы опеки, не поименованные в статье 18, кроме перечисленных, статья 18 не считает важными, и, следовательно, для них не требуется большинства в две трети голосов. Остается решить, можно ли считать, что рекомендация тому или иному члену Организации Объединенных Наций представить проект соглашения об опеке является вопросом «функционирования системы опеки». Ответ может быть только отрицательный. Речь идет не об обсуждении самого соглашения об опеке, речь идет не о функционировании уже существующего соглашения об опеке, не об изменении этого соглашения, а только о том, чтобы соглашение было представлено. Можно ли в этих условиях сделать такую юридическую натяжку и объявить, что к данному случаю относится правило статьи 18 о двух третях голосов? К сказанному следует прибавить, что речь идет не о принятии новой рекомендации, а о подтверждении рекомендации, уже принятой в прошлом году.

По всем этим соображениям, делегация Союза Советских Социалистических Республик считает правильной точку зрения делегации Индии и поддерживает предложение о том, чтобы рекомендация, касающаяся Юго-Западной Африки, была принята простым большинством, а не большинством в две трети голосов.

Г-н Аранья покидает председательское место и его заменяет г-н Мак-Нил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Уругвая.

Г-н АРРОСА (Уругвай) (*говорит по-испански*): В ответ на некоторые замечания, сделанные сегодня д-ром Эваттом, мы хотим заявить следующее: то, что было сказано в Комитете и здесь, не должно рассматриваться как нападки на конкретную страну или осуждение ее или конкретного лица, которого мы уважаем и которым восхищаемся, — я имею в виду фельдмаршала Смэтса.

Мы просто настаиваем, чтобы рекомендации, уже дважды принятые Генеральной Ассамблеей — в Лондоне 9 февраля 1946 года и в Нью-Йорке 14 декабря того же года, — были выполнены. В первом случае эти рекомендации были обращены ко всем государствам, управляющим подмандатными территориями, а во втором — к единственному правительству, которое не ответило на приглашение передать эти территории в систему опеки.

По нашему мнению, эти решения Ассамблеи были правильны, они вынесены в соответствии с Уставом и должны быть выполнены. Д-р Эватт говорил нам, что в Сан-Франциско преобладало

мнение, что замена мандатной системы системой опеки не должна быть принудительной. Однако по этому вопросу могут быть разные мнения. Представитель Франции заявил в Четвертом комитете, что авторы Устава, без всякого сомнения, не намеревались допускать, чтобы какая-нибудь подмандатная территория осталась вне рамок системы опеки.

Сейчас не стоит заново начинать дискуссию, которая заняла так много времени в Четвертом комитете. Мы считаем, что государства, управляющие подмандатными территориями, юридически обязаны подчиниться системе опеки. Мы не думаем, чтобы у них было право выбора или что их обязательство является чисто моральным обязательством. Наоборот, мы придерживаемся мнения, что система опеки была создана, чтобы заменить собой мандатную систему. Ныне ликвидированная Лига Наций выразила такое же мнение 12 апреля 1946 года; то же самое вытекает из текста Устава.

В пункте 1а статьи 77 говорится, что «система опеки распространяется на... территории, ныне находящиеся под мандатом». А пункт 2 статьи 80 гласит: «Пункт 1 настоящей статьи не должен толковаться как дающий основания для задержки или отсрочки переговоров и заключения соглашений о включении подмандатных и других территорий в систему опеки».

В пункте 1с статьи 77 Устава особо указывается на «территории, добровольно включенные в систему опеки государствами, ответственными за их управление». Здесь делается указание на добровольное включение, но оно не распространяется на территории под мандатом.

Для подмандатных территорий должны быть представлены соглашения об опеке, и заинтересованное государство-мандатарий будет, конечно, иметь право обсуждать и договариваться об условиях, отдельных положениях этих соглашений и т. д. Именно таков смысл пункта 2 статьи 77.

Мы еще раз заявляем, что не может быть и речи о сохранении в силе мандата или хотя бы его духа теперь, когда предоставившая его организация, Лига Наций, перестала существовать. Здесь мы имеем дело с явной аномалией, поскольку территория, о которой идет речь, не является ни независимой страной, ни колонией.

Международная система, которая существует сейчас, признает только две категории зависимых территорий: территории, которые в главе XI Устава называются «несамостоятельными», и территории, которые, согласно главам XII и XIII, подлежат включению в систему опеки. Третьей категории или класса зависимых территорий не существует.

Если у кого-нибудь возникнут сомнения насчет того, применимы или нет в данном случае эти положения Устава, мы склонны будем считать, что они применимы.

В общем мы поддерживаем поправки, предложенные делегацией Дании (документ А/429).

Должен сказать, что в принципе я не возражаю против редакции резолюции, предложенной Четвертым комитетом, но мы решили голосовать за поправки, потому что они дают правительству Южно-Африканского Союза, притом в более вежливой форме, возможность передумать и представить соглашение об опеке для Юго-Западной Африки. Вообще говоря, мы против того, чтобы формулировать угрожающие требования, и не думаем, что текст поправки может создать представление, будто Ассамблея проявляет какую-то слабость.

Кроме того, наша делегация считает, что это «важный» вопрос, поскольку он связан с вопросами, «относящимися к функционированию системы опеки», то есть с одной из категорий вопросов, которые Устав в статье 18 характеризует как «важные» и которые, следовательно, должны решаться большинством в две трети. Поэтому мы и сочли наиболее целесообразным поддержать решение, совпадающее с нашей точкой зрения и составленное в таких выражениях, что с ним могут согласиться все или почти все.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Сирии.

Г-н ЗЕЙНЕДДИН (Сирия) (*говорит по-английски*): Вопрос о Юго-Западной Африке подробно и тщательно разбирался на прошлых сессиях Генеральной Ассамблеи. По зрелому размышлению Организация Объединенных Наций пришла к одному мнению и 9 февраля 1946 года приняла общую резолюцию, которая распространялась и на Юго-Западную Африку и в основе которой лежал вывод, что государства-мандатарии обязаны передать подмандатные территории в систему опеки. В резолюции говорилось или подразумевалось, что это решение было принято во исполнение Устава. Если Устав должен исполняться, значит в нем должно быть указание, которое возлагало бы на членов такую обязанность. Резолюция от 14 декабря 1946 года была специально посвящена Юго-Западной Африке.

Нынешняя ситуация вполне ясна. Эти резолюции существуют, а правительство Южно-Африканского Союза по-прежнему настаивает на своей точке зрения, что оно якобы не обязано выполнять Устав. Поэтому надо признать правильным одно из двух: либо Организация Объединенных Наций допустила ошибку, приняв эти две прежние резолюции, и должна, стало быть, постараться эту ошибку исправить; либо точка зрения Южно-Африканского Союза противоречит Уставу, и тогда надо предложить его правительству, чтобы оно соблюдало и выполняло Устав.

Конечно, когда принимались эти две резолюции, вряд ли кто высказывал мнение — я, по крайней мере, этого не помню, — что Южно-Африканский Союз не обязан передавать терри-

торию Юго-Западной Африки под опеку. Тогда, в феврале 1946 года, нас отделяло от Конференции в Сан-Франциско еще не так много времени, и мы могли лучше помнить действительный смысл, какой авторы Устава хотели вложить в положения по этому вопросу. Тогда члены Организации придерживались почти единодушного мнения, что такое обязательство существует и что оно, следовательно, должно быть выполнено.

Однако здесь было сказано, что такое решение может создать большие трудности в Южно-Африканском Союзе. Возможно, оно создаст некоторые трудности, но ведь можно предположить также, что общественное мнение в Южно-Африканском Союзе оказывает достаточную поддержку Организации Объединенных Наций и ее Уставу, чтобы, узнав о том, что это решение принято в соответствии с Уставом, согласиться с ним и постараться добиться его выполнения. Но, сколь бы разумным ни могло казаться желание избавиться от этих затруднений Южно-Африканский Союз, не менее разумным будет желание избавиться и Организацию Объединенных Наций от тех больших затруднений, в какие она попала бы, если бы сочла, что эти прежние резолюции указывали на обязательство, которого нет, и были приняты несмотря на то, что в Уставе никаких серьезных оснований для такого решения не имеется и никаких положений на этот счет не содержится.

Я рад, что мне пришлось выступать на этой, более поздней стадии дискуссии, потому что я могу уже не повторять те аргументы, которые излагались здесь так ясно и красноречиво.

Впрочем, мне хотелось бы сказать только, что оба предложения, которые находятся сейчас на рассмотрении Генеральной Ассамблеи, — предложение Комитета и предложение Дании — не имели бы под собой ровно никакого основания, если бы обязательства, о котором идет речь, не существовало. Если такого обязательства нет, то Организации Объединенных Наций нечего и пытаться принимать такие резолюции.

Раньше считалось, что такое обязательство существует; и, по нашему мнению, это предусмотрено Уставом обязательство продолжает существовать, как существовало и раньше. Организация Объединенных Наций должна нынешним голосованием поддержать свои прежние решения и потребовать, чтобы правительство Южно-Африканского Союза их выполнило.

Установление срока — это не ультиматум. Установленный срок, если рассматривать его в правильном свете, предоставляет Южно-Африканскому Союзу возможность выйти из затруднительного положения, в котором он оказался.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Прежде чем предоставить слово следующему оратору, представителю Пакистана, я хочу, по поручению г-на Араньи, сделать представителям следующее предложение, которое Генеральная

Ассамблея может, конечно, отвергнуть, но с которым, я думаю, она согласится.

Г-н Аранья предлагает прервать это заседание в 18 часов 30 минут на обед, собраться снова в 20 часов 15 минут и продолжать работать приблизительно до 23 часов. Если к этому времени мы не исчерпаем повестку дня, — а мы вряд ли ее исчерпаем при таком темпе нашей работы, — то г-н Аранья предлагает, чтобы Генеральный комитет собрался завтра в зале А в 15 часов, а Генеральная Ассамблея в 16 часов возобновила прения по остающимся вопросам повестки дня.

Надеюсь, что представители сочтут это для себя если не очень удобным, то, во всяком случае, приемлемым.

А теперь слово предоставляется представителю Пакистана.

Г-н ПИРЗАДА (Пакистан) (*говорит по-английски*): Позвольте мне с самого начала заявить, что мы признаем значение некоторых шагов, которые правительство Южно-Африканского Союза предприняло в отношении территории Юго-Западной Африки. Первым таким шагом, о котором упомянул Южно-Африканский Союз, был его отказ от намерения аннексировать эту территорию. В ходе дискуссии его представитель объявил также о своем согласии добровольно предоставлять Генеральному Секретарю для осведомления Организации Объединенных Наций информацию, согласно пункту е статьи 73 Устава.

Мы ценим эти шаги, но сейчас требуем от Южно-Африканского Союза пойти дальше и передать эту территорию в международную систему опеки в соответствии с пунктом 1с статьи 77 Устава. Главный вопрос не в том, обязан ли он юридически или морально передать эту территорию под международную опеку. Главное в том, будет ли передача территории Юго-Западной Африки в систему опеки отвечать интересам населения этой страны, пойдет ли это ему на благо.

Простое сравнение относящихся к этому вопросу статей глав XI и XII отчетливо показывает преимущества одной системы в сравнении с другой. Я хочу указать, во-первых, что при существующей мандатной системе только одна страна отвечает за надлежащее управление и развитие политических и других институтов на подмандатной территории. За выполнением положений, записанных в главе XI Устава, следит в этом случае только одно государство, руководствуясь своей совестью. Если же эта территория перейдет в международную систему опеки, то руководящим началом при управлении территорией станет совесть всех Объединенных Наций в лице Совета по Опеке, вследствие чего появится больше шансов на то, что управление будет осуществляться в интересах ее населения.

Во-вторых, преимущество системы опеки над обычным управлением в соответствии с главой XI заключается в том, что международная систе-

ма опеки предусматривает, согласно статье 75 Устава, международное наблюдение. В противоположность этому глава XI Устава, относящаяся к управлению несамоуправляющимися территориями, — к каковой категории будет принадлежать территория Юго-Западной Африки, если она не будет передана в систему опеки, — не предусматривает международного наблюдения, и все наблюдение будет сводиться к рассмотрению Организацией Объединенных Наций передаваемой ей информации по неполитическим вопросам, то есть экономическим, социальным и другим. Большой пользы это не принесет, в то время как международное наблюдение, намечаемое при системе опеки, будет, конечно, иметь больше преимуществ.

В-третьих, и это будет самое важное преимущество, система опеки исключит влияние такого фактора, как частные интересы той или иной колониальной державы, того или иного колониального государства. Как я уже имел случай заявить раньше, колониальная держава, естественно, будет заботиться о своих собственных интересах — я должен прямо об этом сказать — больше, чем об интересах самого населения управляемой территории. Я называю это естественным, потому что колониализм на том фактически и основан. Эти державы стали на путь колонизации других стран ради собственной выгоды. Поэтому, когда такие территории будут переданы в международную систему опеки, с этим будет покончено и Совет по Опеке Организации Объединенных Наций будет руководствоваться не какими-нибудь другими интересами, а только интересами коренного населения этих территорий.

Поэтому сказать, что Устав Организации Объединенных Наций наметил два пути достижения самоуправления какой-нибудь территорией: первый — через международную систему опеки, предусмотренную главой XII, и второй — через управление несамоуправляющимися территориями, регулируемое положениями главы XI, — значит не ответить на поставленный вопрос. И также не будет ответом на вопрос, если кто-нибудь скажет, что такая-то территория будет управляться в духе мандата, потому что Устав такой категории вообще не признает. Устав Организации Объединенных Наций предусматривает две системы управления, а именно: управление несамоуправляющимися территориями и управление территориями, находящимися в системе опеки. Управление в духе мандата было бы третьей системой, а Устав таковой не признает, ибо он, по-видимому, покончил с мандатной системой совершенно.

Что еще делает обязательной для Южно-Африканского Союза передачу этой территории в систему опеки, так это, во-первых, тот факт, что Южно-Африканский Союз не имеет абсолютно никаких юридических прав на эту территорию, и он признал эту истину, когда перестал настаивать на аннексии. Во-вторых, по условиям мандатной системы, учрежденной уставом Лиги На-

ций, государство-мандатарий выполняло мандат от имени Лиги Наций. Оно управляло территорией под наблюдением Лиги Наций. Эти положения были включены и в статью 75 Устава Организации Объединенных Наций. Если вы прочтете статью 75 и главу XII, вы увидите, что оба эти принципа признаются Уставом. Поэтому система, предусмотренная уставом Лиги Наций, нашла свое продолжение и в Уставе нашей Организации.

Таким образом, отказываясь включить эту территорию в систему опеки, Южно-Африканский Союз отходит от обоих принципов, которые признавал устав Лиги Наций, — принципов опеки международного органа наблюдения и контроля международного органа. А он не имеет на это ни юридического, ни морального права. Устав Лиги Наций определил эти обязанности Южно-Африканского Союза, и Устав нашей Организации не может ни изменить, ни уменьшить эти обязанности; он требует, чтобы они оставались такими же. Поэтому, отказываясь передать эту территорию в систему опеки, Южно-Африканский Союз хочет оказаться в более выгодном положении по сравнению с тем, какое ему предоставляла мандатная система Лиги Наций. Для этого нет, конечно, никаких оснований.

Перехожу теперь к тому, как этот вопрос ставится юридически, по Уставу. Резолюция, предложенная Четвертым комитетом, не говорит, что Южно-Африканский Союз юридически обязан передать территорию Юго-Западной Африки в систему опеки. Вот все, что говорится в четвертом пункте: *«Принимая во внимание, что четко выраженной целью главы XII Устава Организации Объединенных Наций является включить все территории, ранее находившиеся под мандатом, в международную систему опеки до тех пор, пока им не будет предоставлено самоуправление или независимость»*. Должен сказать, что, хотя, в силу пункта 1 с статьи 77, территории должны включаться в систему опеки добровольно, предыдущие статьи главы XII ясно подразумевают, что система опеки является единственной заменой мандатной системы, которая была учреждена Лигой Наций. Никакой третьей системы, как я уже сказал, Устав не предусматривает. Дух и цель Устава заключаются, следовательно, в этом и ни в чем другом.

Поэтому резолюция ставит своей целью точно определить существующее положение и хочет показать, в чем состояли действительные цели и намерения авторов Устава; она не дает никаких оснований, чтобы создать, как это, быть может, показалось Южно-Африканскому Союзу, юридическое обязательство. Но, как я только что говорил, сейчас не время прикрываться всякими юридическими отговорками и идти наперекор общественному мнению, которое определенно стоит за ликвидацию колониальной системы. Колониальным державам пора понять это. Чем скорее они это поймут, тем будет лучше.

Что касается датской поправки, то, к сожалению, должен сказать, что нам трудно ее поддерживать. Я согласен, что мы не должны употреблять в резолюции слова, которые могли бы задеть правительство Южно-Африканского Союза, но я не вижу ничего обидного в девятом пункте резолюции, который датская делегация предлагает поправить. Если резолюцию в ее нынешнем виде сравнить с той, какая была предложена первоначально, то мы увидим, что некоторые слова и фразы, против которых, по другим причинам, возражали некоторые представители, были выброшены или изменены. По-моему, в резолюции нет ничего такого, что можно было бы принять за угрозу или ультиматум, как думают некоторые представители.

В этой резолюции правительство Южно-Африканского Союза просит представить соглашение об опеке на рассмотрение Генеральной Ассамблеи. Но в точности то же самое предлагает и датская поправка. Однако она ослабляет тон резолюции, вследствие чего Южно-Африканскому Союзу будет только легче в следующем году игнорировать резолюцию Генеральной Ассамблеи, если он вознамерится это сделать. Я не хочу сказать, что он уже вознамерился это сделать, но выражения, которые предлагает употребить датская поправка, таковы, что ему легче будет в моральном отношении прийти на следующий год и сказать: вы просили нас сделать это, если мы найдем возможным, но мы не нашли это возможным. Так Южно-Африканскому Союзу будет легче игнорировать резолюцию, если он того захочет. Поэтому я никак не могу предпочесть эти слова. Я за то, чтобы, не меняя в резолюции никаких выражений, просить Южно-Африканский Союз к нашей следующей сессии выполнить рекомендацию Генеральной Ассамблеи.

В заключение я хочу высказаться по вопросу о большинстве в две трети. Во-первых, это резолюция, которая просто повторяет то, что было сказано в прошлом году. Хотя сам по себе этот вопрос, может быть, и важный, но тот факт, что настоящая резолюция к нему возвращается, не делает его важным вопросом в значении статьи 18 Устава. Здесь опять все зависит от того, как толковать слова этой статьи. Важность вопроса всегда определяется, исходя из его фактического содержания. Но, базирясь на тех же фактах, один может сказать, что это важный вопрос, а другой, наоборот, скажет, что этот вопрос не относится к важным.

Поэтому я думаю, что будет лучше всего предоставить каждой делегации самой для себя решить, важный это вопрос или нет, а Ассамблея пусть подчинится решению большинства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Слово предоставляется представителю Ирака.

Г-н ДЖАМАЛИ (Ирак) (говорит по-английски): Мнение моей делегации таково, что Юго-Западную Африку надо передать в систему опеки.

Существуют два основных принципа для всякого мандата. Первый заключается в том, что подмандатная территория вверяется государству-мандатарии, которое обязано заботиться о благосостоянии ее жителей и делать все, чтобы привести их к самоуправлению. Суверенитет над подмандатной территорией осуществлялся Лигой Наций от имени народа самой территории и должен был осуществляться до тех пор, пока этот народ не сможет сам управлять собой. Государство-мандатарий не имеет суверенитета над этим народом. Южно-Африканский Союз не имеет суверенитета над Юго-Западной Африкой.

Второй принцип состоит в том, что Лига Наций считает государство-мандатарий ответственным за его действия и за его управление подмандатной территорией.

Я уверен, что Генеральная Ассамблея действовала в духе первого из этих принципов, когда проголосовала против аннексии названной территории Южно-Африканским Союзом.

Сейчас Лиги Наций больше нет, но принципы, касающиеся мандатов, остаются. Глава XII Устава нашей Организации, несомненно, заменила собой статью 22 устава Лиги Наций.

Устав не обязывает государства-мандатарии передать подмандатные территории Организации Объединенных Наций, с тем чтобы та включила их в систему опеки. Статья 77 ясно указывает: «1. Система опеки распространяется на такие территории из нижеперечисленных категорий, которые могут быть включены в нее соглашениями об опеке: а) Территории, ныне находящиеся под мандатом...»

Устав не возлагает обязательства, но те члены Генеральной Ассамблеи, которые участвовали в Сан-Франциско в разработке главы Устава, посвященной опеке, могут вспомнить, что, хотя на государства-мандатарии не было возложено обязательство передать территории в систему опеки, при этом подразумевалось, что государства-мандатарии либо включают территории под мандатом в должное время в систему опеки, либо объявят их независимыми.

Хорошим примером этого второго решения вопроса явилось решение, принятое Соединенным Королевством в отношении королевства Трансиордании. Оно провозгласило его независимым. Другой альтернативы не существует.

Оставление какой-нибудь подмандатной территории под контролем какого-нибудь одного государства при отсутствии международного наблюдения определенно противоречит духу и букве устава Лиги Наций и Устава нашей Организации. Вопрос об аннексии Южно-Африканским Союзом Юго-Западной Африки поднимался еще в Сан-Франциско. Там это предложение было отвергнуто.

Уже два раза Генеральная Ассамблея просила правительство Южно-Африканского Союза пред-

ставить соглашение об опеке. Правительство Южно-Африканского Союза до сих пор этого не сделало.

Резолюция, предложенная Четвертым комитетом, не содержит ничего нового. Она просто подтверждает прежние резолюции. Я твердо надеюсь, что эта резолюция будет одобрена подавляющим большинством. Моя делегация заявляет об этом в глубоком убеждении, что мы останемся верными духу Конференции в Сан-Франциско, руководствуясь которым мы записали в Устав пункт *b* статьи 76:

«Основные задачи системы опеки, в соответствии с целями Организации Объединенных Наций, изложенными в статье 1 настоящего Устава, состоят в том, чтобы: ...способствовать политическому, экономическому и социальному прогрессу населения территорий под опекой, его прогрессу в области образования и его прогрессивному развитию в направлении к самоуправлению или независимости, как это может оказаться подходящим для специфических условий каждой территории и ее народов и имея в виду свободно выраженное желание этих народов, и как это может быть предусмотрено условиями каждого соглашения об опеке».

Я считаю, что, если территория Юго-Западной Африки не войдет в систему опеки и не получит независимости, это будет шагом назад. Это противоречило бы духу Устава и отрицало бы право Организации Объединенных Наций осуществлять наблюдение за тем, чтобы все народы мира поднимались к свободе и благосостоянию.

Проявив заботу и уважение к так называемым зависимым и отсталым народам, мы лучше всего докажем, что мы стоим на позициях высокой морали и гуманизма.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Индии.

Раджа сэр Магарадж СИНГ (Индия) (*говорит по-английски*): Сегодня утром я поднял вопрос к порядку ведения заседания, вопрос о том, необходимо или нет большинство в две трети для принятия резолюции Четвертого комитета. Никакого решения по этому вопросу еще не принято, и я надеюсь, что мы будем иметь возможность высказать нашу позицию как в отношении нашей резолюции (содержащейся в документе А/422), так и в отношении датской поправки после того, как будет проведено голосование, потому что, как я сказал сегодня утром, вопросу о том, будет ли приниматься решение большинством в две трети или простым большинством, мы придаем большое значение.

По этому процедурному вопросу я могу лишь повторить то, что сказал сегодня утром. Резолюция Четвертого комитета не создает в этом году никакой новой ситуации. Как об этом говорили другие ораторы, она является лишь простым подтверждением или повторением прошлогодней резолюции и приглашения, направленного в фев-

рале 1946 года всем государствам, управлявшим подмандатными территориями. Уже многое было сказано по поводу четвертого пункта резолюции, начинающегося словами «Принимая во внимание, что четко выраженной целью...», причем пытались доказать, будто в эти слова вложен смысл юридического обязательства. Я не думаю, что это так. Ни слова *обязательство*, ни слова *юридическое* в этом пункте нет.

Каков же действительный смысл этих слов? Позвольте мне зачитать шестой пункт резолюции, принятой 9 февраля 1946 года. В нем сказано: «Генеральная Ассамблея считает, что всякое промедление с введением в действие международной системы опеки является препятствием к осуществлению принципов системы опеки, провозглашенных Уставом, и лишает население территорий, которые могут быть включены в систему опеки, возможности пользоваться преимуществами, вытекающими из проведения в жизнь этих принципов»⁷. Среди нас здесь нет ни одного, будь это даже самый решительный сторонник самых решительных выражений в резолюции, кто хотел бы пойти дальше, чем пошла Генеральная Ассамблея в феврале 1946 года.

Это как раз то, о чем говорит пункт четвертый преамбулы Устава. Но давайте хоть иногда в Генеральной Ассамблее и в Комитетах перестанем заниматься юридическими обязательствами и, я чуть было не сказал, юридическими софизмами. Ведь наш Устав основан на высоких моральных принципах. В его преамбуле мы не найдем слов насчет юридических обязательств, зато там есть слова об улучшении условий жизни, об основных правах человека, о равноправии людей, о достоинстве и ценности человеческой личности и о создании условий, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров. Помню, г-н Джон Фостер Даллес сказал в своем заявлении в Четвертом комитете, что рекомендации Организации Объединенных Наций являются выражением мировой совести и морали. А что такое система опеки, как не страж, поставленный блюсти эту мировую совесть и мораль на многих больших территориях?

Нам снова и снова говорят, что передача подмандатных территорий в систему опеки — это будто бы чисто добровольный акт. Но предположим, что ни одна нация, ни одно государство, управляющее подмандатной территорией, не согласится передать ее в систему опеки; что в таком случае произойдет? Положения о системе опеки являются важнейшей частью Устава Организации Объединенных Наций, а Совет по Опеке — необходимый орган. Это само по себе, мне кажется, не дает права какому-либо государству, управляющему подмандатной территорией, сказать: «Мы отказываемся передать эту территорию в систему опеки», поскольку это

значило бы то же самое, что сказать: «Мы отказываемся признать один из важнейших органов, предусмотренных Уставом».

Меня удивило, что г-н Эватт говорил здесь о самоуправлении в Южно-Африканском Союзе. Я помню, что в Четвертом комитете он говорил также, что Южно-Африканский Союз — это демократическое государство. Я сам жил в Южно-Африканском Союзе и знаю: то, что сказал г-н Эватт, — а я не сомневаюсь, что говорил он из лучших побуждений, — сушая неправда. Нет в Южно-Африканском Союзе такой вещи, как демократическое правление. Там существует аристократическое правление людей привилегированной расы и цвета кожи — хотя я не могу считать, что принадлежность к определенной расе и определенный цвет кожи должны рассматриваться как привилегия, — ибо во всем парламенте Союза, а в нем насчитывается 200—300 членов, нет ни одного африканца. Я не раз говорил об этом как в прошлом, так и в этом году. Нет ни одного африканца или вообще человека неевропейского происхождения ни в парламенте Южно-Африканского Союза, ни в парламенте Юго-Западной Африки. «Самоуправление», «демократия» — как можно употреблять эти великие слова, говоря о режиме, где огромное большинство жителей страны не пользуется никакими политическими правами?

Г-н Эватт и один или два других оратора говорили об экономическом прогрессе коренного населения. Не буду с ними спорить. Действительно, если взять статистические данные за прошлые десять или двадцать лет, то можно увидеть, что в некоторых областях, таких как образование или здравоохранение, достигнут определенный прогресс. Но этот прогресс не может возместить того положения, при котором огромное число жителей не пользуется ни свободой, ни самоуправлением, ни независимостью. В конце концов есть нечто более важное, чем экономический прогресс, — это сознание того, что ты, независимо от твоей расы или религии, свободный человек и живешь в свободной стране. Мы, индийцы, долгие годы жившие под чужой властью, знаем теперь, несмотря на наши трудности и трагедии, которые происходят еще как в Индии, так и в Пакистане, что свобода лучше самого хорошего правления. Я помню слова одного британского государственного деятеля: «И самое хорошее правление не заменит самоуправления».

Я заметил, что многие государства, управляющие колониальными территориями, симпатизируют Южно-Африканскому Союзу. Я не завидую Южно-Африканскому Союзу, что он пользуется такими симпатиями. Но могут ли колониальные державы, держащие под своей властью многочисленное население колоний, высказать здравое мнение по этому вопросу? Во всяком случае, мы, чьи страны были зависимыми территориями, мы, люди, живущие в Азии и в Африке, так же как и во многих европейских странах, — мы отдаем свои симпатии простому человеку Южной

⁷ См. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на первой части первой сессии, резолюция 9 (I), стр. 13.

и Юго-Западной Африки, человеку, имя которого — африканец.

В связи с проблемой, которую мы обсуждаем, кое-кто ссылаясь на «общественное мнение»; но при этом неизменно имелось в виду мнение определенной группы, а группа эта составляет меньшинство. Это еще не общественное мнение. С тех пор, как я выступал последний раз на этой Генеральной Ассамблее и в Четвертом комитете, я получил, так же как и многие из вас, петиции от многих африканцев из Южно-Африканского Союза и даже из Юго-Западной Африки, где совершенно ясно говорится, что они решительно против принятого правительством Южно-Африканского Союза решения относительно Юго-Западной Африки и горячо надеются — боюсь, напрасно, — что Юго-Западная Африка будет включена в систему опеки.

Я не знаю ни одной организации, представляющей африканцев Южно-Африканского Союза, которая поддерживала бы решение правительства Южно-Африканского Союза в этом вопросе.

Хотя представитель Южно-Африканского Союза еще не выступал, мы знаем, какой ответ он собирается дать на наши неоднократные просьбы. И на резолюцию Четвертого комитета, и на поправку, предложенную представителем Дании, он ответит словом «нет». И нам еще говорят, чтобы мы облакали наши приглашения или наши просьбы в вежливую форму, дабы не обидеть кого-то, не задеть чьего-то самолюбия; нас уговаривают изъясняться изысканно любезными фразами, даже если они иногда становятся из-за этого неопределенными и двусмысленными. И выражают надежду, что Организация Объединенных Наций сможет таким образом успокоить наших южноафриканских друзей.

Позвольте мне заверить вас, что они все равно не успокоятся, и я со своей стороны очень и очень сомневаюсь, что они представят какой-нибудь проект соглашения об опеке, будь то в кратчайший срок, как это предлагал представитель Дании в своей первоначальной резолюции, или к третьей сессии Генеральной Ассамблеи. Тогда Генеральная Ассамблея должна будет вынести свое решение.

Все это время мы спорили относительно таких тонкостей, как простое большинство или большинство в две трети. Хватит уже говорить о большинстве в две трети; хватит говорить о простом большинстве. Главное в том, что, какую бы резолюцию Генеральная Ассамблея ни приняла, выполнена она не будет. Скажу больше того: нас еще изрядно покрывают за то, что мы высказали пожелание, чтобы доклад правительства Южно-Африканского Союза был передан на заключение в Совет по Опеке. Правительство Южно-Африканского Союза не признает Совета по Опеке. Оно не считает нужным, чтобы Совет по Опеке или Организация Объединенных Наций рассматривали его доклады. По его мнению,

Юго-Западная Африка была и останется страной *sui generis*.

Много ли сейчас в мире стран *sui generis*? Мне хотелось бы узнать от кого-нибудь из представителей, есть ли, кроме Юго-Западной Африки, хотя бы еще шесть стран *sui generis*; или даже три страны; или две.

Что это значит — страна *sui generis*? Для правительства Южно-Африканского Союза это страна, которая не является ни метрополией, ни подопечной страной, ни колонией. Нам говорили, что положение Юго-Западной Африки совершенно отличается от положения других подмандатных территорий, переданных теперь в опеку. Но почему? Потому, видите ли, что она граничит с Южно-Африканским Союзом и не может ни самостоятельно существовать, ни обороняться.

Но точно такие же аргументы можно было бы выдвинуть и в отношении других территорий, которые включены сейчас в систему опеки. Можно было бы сказать, что Западное Самоа подвержено опасности нападения со стороны какого-нибудь будущего врага. То же самое можно было бы сказать и о Новой Гвинее. Однако соответствующие государства-мандатарии — честь им и хвала за это — правильно поняли то, что я назвал целью Устава, и действовали в духе этого благородного документа.

Лучше выбросить Устав и навсегда с ним распрощаться, чем позволять отдельным государствам из года в год повторять, что они не намерены выполнять рекомендации Организации Объединенных Наций, или заявлять, что-де, «подписывая Устав, мы сделали одну оговорку». Предположим, что у каждого государства нашлась бы такая оговорка; что бы из этого получилось? Могли бы тогда проводиться в жизнь положения Устава? Нет!

Скажу в заключение, что вы, мои дорогие коллеги, и вы, г-н Председатель, можете быть, и впредь будете оставаться бессильными и только направлять просьбы, но что касается меня, то я еще не совсем расстался с надеждой, потому что знаю эти страны. Я сам азиат. Но я жил и в Африке и кое-что знаю об африканской расе. Вы можете называть их неграмотными — они не всегда неграмотные по своей вине. Вы можете говорить, что они отсталые и необразованные. Вы можете осуждать их за многие вещи, забыв, что есть многое, за что надо осуждать нас самих. Но они пробуждаются — и в Западной Африке, и в Восточной Африке, я был там; в Южной Африке они медленно, но верно пробуждаются тоже.

Африка — это одна зияющая рана, и она не заживет, не закроется в тех условиях, какие существуют сейчас. Волнения в этих странах усиливаются и будут усиливаться. Это вам, мои дорогие коллеги, и только вам одним, потому что африканцы верят в Организацию Объединенных Наций — их вера в нее еще не поколеблена, —

надлежит сказать, что должна восторжествовать справедливость, либо в противном случае расписаться в собственном бессилии, сказать, что вы ничего сделать не можете и должны предоставить их своей собственной судьбе.

В заключение хочу поблагодарить тех представителей — из Европы, Азии, Африки, а также из последних названных мной, но не последних стран по значению, из латиноамериканских стран, — которые всегда, во всех случаях, считали нужным вступить здесь за угнетенных людей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Южно-Африканского Союза.

Г-н ЛОУРЕНС (Южно-Африканский Союз) (*говорит по-английски*): Я явился сюда после полудня, чтобы сделать заявление по существу резолюции, находящейся ныне на рассмотрении Генеральной Ассамблеи. Я не отказываюсь от своего намерения, хотя один из представителей, принимавших участие в настоящей дискуссии, тот, что выступал от имени правительства Индии, в своих замечаниях счел возможным сослаться на условия, сложившиеся в моей стране. Фактически он пошел еще дальше. В число территорий, где якобы существует недовольство, он включил некоторые части африканского континента.

Не знаю, хотел ли он придать этим замечаниям характер угрозы. Я не намерен останавливаться на тех из них, которые не относятся к Южно-Африканскому Союзу. Но все, что касается моей страны, я принимаю близко к сердцу, и когда при рассмотрении вопроса, прямо не относящегося к внутреннему управлению в Южно-Африканском Союзе, какой-то представитель вдруг начинает из кожи лезть вон, чтобы заклеить позором мою страну, и делает явно лживые и извращающие истину заявления, где правды только наполовину, а то и меньше, то я не намерен хранить молчание перед этим всемирным форумом.

Представитель Индии назвал сегодня слова г-на Эватта о том, что у нас в Южно-Африканском Союзе демократическая система, сущей неправдой. Представитель Индии сказал, что в Южно-Африканском Союзе нет такой вещи, как демократическое правление, а потом недвусмысленно стал обвинять нас в том, что мы, в Южно-Африканском Союзе, позволяем и терпим существование режима, который лишает всяких прав тех, кого он назвал «огромным большинством» населения нашей страны.

Позвольте мне привести несколько фактов и цифр. Я знаю, что этот вопрос очень волнует представителя Индии, но я тоже не могу не волноваться, когда на этом форуме он пытается бросить тень на престиж и доброе имя моей страны.

Я очень сожалею, что он счел для себя позволительным такое вмешательство во внутренние

дела Южно-Африканского Союза. Мы все знаем, что в настоящее время между правительством Индии и правительством Южно-Африканского Союза, к величайшему сожалению и к величайшему несчастью, — и я лично сожалею об этом не меньше, чем всякий другой представитель, — существуют некоторые спорные вопросы.

Я бы подумал, что в этих условиях лучше и правильнее всего было бы постараться по мере возможности избегать при обсуждении вопроса, затрагивающего Юго-Западную Африку, всяких заявлений, которые можно было бы принять или выдать за продолжение тяжбы индийского правительства против Южно-Африканского Союза. Но после того, как я выслушал представителя Индии и вспомнил, что правительство Индии первым предложило включить этот вопрос в нынешнем году в повестку дня Четвертого комитета, я вынужден сказать, что именно выступавший только что представитель Индии развернул первую ожесточенную атаку против моей страны в Четвертом комитете. Именно он, представитель Индии, включил в свой первоначальный проект предложения в Четвертом комитете пункт, осуждающий мою страну. Когда представитель Австралии вышел на трибуну и имел, как некоторые считают, смелость выступить в защиту Южно-Африканского Союза, я понял, что представитель, который сейчас выступал, должен получить подкрепление в лице самого «верховного главнокомандующего» индийскими силами. И не нас, и не мировое общественное мнение надо винить, если мы вынуждены сказать, что эта настойчивая кампания становится похожа на настоящую индийскую месть Южно-Африканскому Союзу.

Я не намерен оставлять без ответа эти обвинения. Этот господин заявляет, что в Южно-Африканском Союзе существуют невыносимые условия. Население Южной Африки многорасовое. В нашей стране живет около 250 000 индийцев, около 8 000 000 людей, которых мы называем туземцами, африканцами, а в Соединенных Штатах — неграми. У нас есть также смешанное население численностью около 800 000 человек и белое население численностью около 2 400 000 человек.

С некоторых пор правительству Южно-Африканского Союза доставляет много забот и хлопот то обстоятельство, что к нам через северную границу нашей страны добровольно, но без разрешения прибывает множество африканцев из различных стран африканского континента, желающих найти работу в Южно-Африканском Союзе. Они прибывают к нам, зная, какие условия существуют в Южно-Африканском Союзе. Одни из них уже работали здесь раньше, на праздники они уезжали в свои собственные страны, а потом снова возвращались на работу в Южно-Африканский Союз. Другие прослышали от знакомых об условиях на южноафриканских рудниках, в промышленности и в других отраслях хозяйства. Они идут в нашу страну добровольно.

Действительно, странно видеть этот поток африканцев, добровольно устремляющихся в страну, которая, как просят в это поверить членов этой Генеральной Ассамблеи, якобы притесняет неевропейское население. Позвольте мне, однако, сказать еще вот о чем. Я сказал, что в Южно-Африканском Союзе проживает и индийское население. По условиям соглашения, заключенного в тот день, когда правительства Южно-Африканского Союза и Индии подписали совместную декларацию, известную как Кейптаунское соглашение 1927 года, а также по условиям декларации 1932 года, было оговорено — и правительство Индии с этим согласилось, — что проживающим в Южно-Африканском Союзе индийцам, которые пожелают вернуться в Индию, будет предоставляться бесплатный проезд. Правительство Южно-Африканского Союза предложило таким индийцам не только бесплатный проезд обратно в Индию, но вдобавок к тому еще и щедрые премии.

Я хотел бы спросить у представителя Индии, много ли индийцев воспользовалось к настоящему времени этими льготными условиями? А эти условия остаются в силе до сих пор.

Если моя страна такая варварская, такая нецивилизованная, если она так притесняет неевропейское население, то я спросил бы, во-первых, почему через нашу северную границу к нам нелегально проникает столько африканцев, делающих это по собственной доброй воле, а во-вторых, почему люди, о которых говорят, будто они живут в условиях гетто, не выезжают из нашей страны, несмотря на то что им предоставляется бесплатный проезд и выплачиваются щедрые премии? Почему они не хотят воспользоваться такими льготами? Больше того, почему люди едут в нашу страну? Да потому, что мы стараемся обеспечить приличный жизненный уровень для всех слоев населения нашей страны.

Я далек от того, чтобы утверждать, что условия жизни в Южно-Африканском Союзе — верх совершенства; я далек от того, чтобы утверждать, что эти условия являются идеальными. Но у нас заботятся о социальном обеспечении, принимаются меры социальной помощи, существует бесплатное образование и так далее, и это распространяется на все слои общества.

Представитель, который выступал передо мной, заявил, что неевропейское население не представлено в парламенте. Это верно; я совершенно откровенно признаю это перед Генеральной Ассамблеей: в настоящее время ни один неевропеец не может прямо представлять какой-либо избирательный округ в нашем парламенте. Это может быть основанием для критики; я не буду спорить насчет этого. Однако если напомнить кратко конституционную историю моей страны, историю развития ее политических форм и обычаев в условиях многорасового общества, различные группы которого стоят на разных уровнях развития, то каждый может увидеть, как складывается положение вещей. У нас есть

и неевропейские избиратели; у нас есть избиратели-индийцы. В состав некоторых наших местных советов входят индийцы и другие неевропейцы.

За последние годы мы достигли огромного прогресса. Могу сказать следующее: мы ввели обязательное обучение для наших неевропейцев; мы выплачиваем пенсии по старости нашим людям, независимо от расы, веры и цвета кожи, причем эти пенсии состояются не из предварительных уплачиваемых взносов; мы выдаем пособия инвалидам; мы выплачиваем пенсии слепым; мы предоставляем в школах бесплатные завтраки для детей всех общественных групп, что требует больших расходов, которые покрываются главным образом за счет европейской части населения. Мы все это делаем, и какие бы недостатки ни имела наша политическая система, наш народ, — а я включаю в него все слои и группы населения, — живет у нас мирно и счастливо.

Одной из основных свобод является, несомненно, право на существование, и все группы населения имеют право жить в нашей стране в безопасности. К сожалению, в некоторых странах мира сейчас нет такого положения.

Я счел для себя необходимым сказать об этом, потому что я человек и не хотел бы здесь нанести обиду какому-нибудь другому представителю или какой-нибудь другой стране, как бы я ни был несогласен с их взглядами. Мы можем в корне не соглашаться друг с другом в разных вопросах, но мне хотелось бы, чтобы мы не соглашались и спорили друг с другом так, чтобы не причинять горечи, боли и обиды тому, кто представляет страну, подвергающуюся нападкам. А мне здесь было больно за мою страну. Мне больно было слышать, как представитель Индии нападал здесь без всяких причин на Южно-Африканский Союз. Прошу простить меня, если я счел себя вынужденным сказать об этом, может быть, слишком резко.

Позвольте мне, прежде чем перейти к существу вопроса, рассматриваемого в настоящее время Генеральной Ассамблеей, остановиться на предложении принять решение по представленной резолюции не большинством в две трети, а простым большинством. Только что выступавший представитель Индии заявил, что все это время было потрачено на споры относительно таких тонкостей, как вопрос о большинстве в две трети. Он сказал: хватит говорить о большинстве в две трети. Хорошо, но надо же решить, важным или не важным является этот вопрос. Как сказал сегодня утром представитель Соединенных Штатов Америки, статья 18 совершенно ясно указывает, что решения Генеральной Ассамблеи по важным вопросам должны приниматься большинством в две трети. Либо этот вопрос важный, либо не важный. Если он не важный, то какая была необходимость двоим представителям правительства Индии подниматься нынче на эту трибуну, чтобы отстаивать свою позицию? По моему мне-

нию, это важный вопрос, а поэтому решать его необходимо большинством в две трети.

Позвольте мне сказать, что есть некоторые стороны этого вопроса, которые, хотя и были разобраны во всех деталях, по мнению делегации Южно-Африканского Союза, настолько ясны и бесспорны, что мне приходится в столь поздний час и с риском наскучить вам повторением сказанного ранее останавливаться на них снова лишь потому, что с ними упорно не хотят считаться или понимают их совершенно неправильно. Надеюсь, что те, кто не оценил еще по настоящему эти простые факты, которые я имею в виду, не отмахнутся от них с раздражением, а рассмотрят их объективно и беспристрастно. Стоит им только это сделать, и я уверен, что по крайней мере некоторые из них сочтут своим долгом признать, что в конце концов есть многое, что оправдывает позицию моего правительства.

Правительство Южно-Африканского Союза считает несомненно нужным ответить на одно обвинение. В основном это обвинение сводится к тому, что, не представив соглашения об опеке для территории Юго-Западной Африки, мое правительство не выполнило морального, а, по мнению некоторых, также и юридического обязательства.

На существующее якобы юридическое обязательство указывает четвертый пункт резолюции, предложенный Четвертым комитетом, который мне нет необходимости снова зачитывать. Если это заявление правильно, то вполне можно утверждать, что правительство Союза обязано юридически представить соглашение об опеке для Юго-Западной Африки. По моему мнению, однако, не подлежит никакому сомнению, что это заявление совершенно неправильно. Глава XII Устава никакой такой цели не выражает. Как уже указывалось в Четвертом комитете, относящиеся к этому вопросу статьи Устава столь явно носят факультативный характер, что трудно даже понять, на каком основании можно было бы прийти к другому мнению на этот счет. Уже первая статья главы XII, статья 75, в которой говорится о создании системы опеки, указывает на те территории, которые могут быть включены в нее последующими индивидуальными соглашениями. Слово «могут» в сочетании со словом «соглашения» — слово, которое может означать только добровольный акт, — очевидно и бесспорно имеет факультативный, а не обязательный смысл. То же самое верно и в отношении следующей ключевой фразы в статье 77: «...такие территории из нижеперечисленных категорий, которые могут быть включены в нее...», то есть в систему опеки, «...соглашениями об опеке». Бесспорно, что это положение также имеет факультативный смысл.

Это подтверждается и рассмотрением категорий территорий, которые перечисляются в этой статье. Две из них, а именно территории, отторгнутые от вражеских государств, и другие территории, указанные в пункте 1 с, являются, оче-

видно, категориями, включаемыми в систему опеки добровольно. Трудно понять, в силу каких логических умозаключений третья категория, а именно подмандатные территории, хотя они подчиняются тем же самым вступительным словам и стоят в том же самом контексте, должна считаться категорией, подлежащей обязательному включению; а если прочесть к тому же совершенно недвусмысленно слова пункта 2 статьи 77, то понять это становится уже совершенно невозможно. Этот пункт гласит: «Вопрос о том, какие из территорий вышеперечисленных категорий должны быть включены в систему опеки и на каких условиях, будет предметом последующего соглашения».

Вряд ли можно было выразить более ясно и точно то, что все эти категории территорий включаются в систему опеки добровольно. Какой бы смысл ни захотели придать тому, что в пункте 1 с употреблено слово «добровольно», игнорировать это конкретное положение, записанное в пункте 2, будет все равно невозможно. Это слово употребили разве лишь *ex abundanti cautela*, а не для того, чтобы отрицать добровольный порядок включения категорий, перечисленных в подпунктах а и b. Кроме того, вывод, который делают из пункта 2 статьи 80, тоже не может зачеркнуть вполне ясного положения, содержащегося в пункте 2 статьи 77.

Тот факт, что в пункт 2 статьи 80 было записано положение, предупреждающее против задержек и отсрочек, объясняется тем, что, когда составлялся Устав, в мире еще ничего не было урегулировано. Это положение касается только тех случаев, когда государство-мандатарий уже решило представить соглашение, и распространяется на все территории, перечисленные в статье 77, в том числе и на категорию, указанную в пункте 1 с этой статьи, в отношении которой специально оговорена добровольность, а не только на подмандатные территории.

Одно лишь это обстоятельство никак не позволяет утверждать, будто из пункта 2 статьи 80 можно сделать вывод, что существует юридическое обязательство. Такой вывод был бы совершенно несовместим с пунктом 1 с статьи 77 и означал бы, что всякое государство, ответственное за управление какой-либо территорией, принадлежащей к любой из категорий, перечисленных в статье 77 (включая и самоуправляющиеся территории), обязано представить для нее соглашение об опеке. Я не колеблясь скажу, что такой вывод был бы абсурдным и совершенно неприемлемым.

Наше мнение, что никакого юридического обязательства не существует, подтверждается, наконец, и ходом работы Конференции в Сан-Франциско. Здесь я должен сказать, при всем моем уважении к представителю Ирака, что он неправильно понял или истолковал то, что происходило в Сан-Франциско. Как уже указывал на это в Четвертом комитете представитель Канады,

представитель Египта на Конференции в Сан-Франциско предложил поправку, согласно которой все подмандатные территории должны были быть включены в систему опеки. После обстоятельной дискуссии эта поправка была отклонена.

Кроме того, представитель Соединенных Штатов здесь говорил, что на Конференции в Сан-Франциско представитель его страны, ввиду ситуации, сложившейся в отношении тихоокеанских островов, постарался добиться того, что передача подмандатных территорий в систему опеки не была объявлена обязательной. В то время было достигнуто всеобщее согласие, что положения Устава, касающиеся опеки, не имели целью возложить и действительно не возложили никакого юридического обязательства на государства-мандатарии. Дискуссия в Сан-Франциско и взгляды тех, кто составлял Устав, устраняют любые сомнения, которые еще могут оставаться, насчет того, существует или нет такое обязательство.

В ответ на все это в Четвертом комитете нам неоднократно повторяли, что если юридического обязательства нет, то подмандатная территория Юго-Западной Африки повиснет в воздухе. При всем моем уважении к тем, кто так считает, я должен сказать, что это преувеличение. Если и можно признать, что без соглашения об опеке Устав к данной территории будет неприменим, то это еще не значит, что положение этой территории окажется совершенно неопределенным.

Каковы факты? Хотя Южно-Африканский Союз, может быть, и не имеет полного суверенитета над этой территорией, он имеет на нее определенные права. Он имеет право издавать законы и управлять этой территорией, как составной частью Союза. Кроме того, отказавшись, чтобы удовлетворить желание этой Ассамблеи, от плана присоединения, правительство Южно-Африканского Союза намерено по-прежнему проводить свою официальную политику, заключающуюся в том, чтобы выполнять лежащую на нем миссию и долг и всеми силами способствовать материальному и моральному благосостоянию и социальному прогрессу населения территории и управлять этой территорией в духе мандата, насколько теперь, когда Лига Наций перестала существовать, это остается возможным. Наконец, правительство Южно-Африканского Союза выразило готовность представлять ежегодные доклады для осведомления Организации Объединенных Наций. Это обязательство остается в силе.

Хотя эти доклады, если их будут принимать, будут представляться исходя из того, что Организация Объединенных Наций не правомочна осуществлять наблюдение за этой территорией, они послужат тому, что Организация Объединенных Наций будет все время получать информацию о ней почти в таком же порядке, как и о самоуправляющихся территориях, согласно статье 73 *e* Устава. Поэтому неправы, по-моему,

те, кто говорит, что эта территория повиснет в воздухе. Управление ею будет осуществляться в соответствии с системой, которая сегодня является, может быть, системой *sui generis*, но которая тем не менее не будет, я думаю, противоречить целям Устава. Смею заверить Генеральную Ассамблею, что, принимая такую систему, правительство Южно-Африканского Союза вовсе не намерено установить на этой территории такой режим, который можно было бы считать противоречащим существующему принципу взаимного признания законов и обычаев другой нации.

То, что эта территория будет представлена в парламенте Южно-Африканского Союза (на что уже обращалось внимание в Четвертом комитете), не будет отклонением от такой формы управления. В соответствии с мандатом право представительства вполне могло быть предоставлено, и это ни в коей мере не считалось бы нарушением какого-либо условия мандата. Это не то же самое, что присоединение, как утверждали некоторые представители. Предоставление этой территории права такого представительства еще не будет означать ее присоединения к Южно-Африканскому Союзу, так же как территории, находящиеся под управлением Франции, нельзя считать присоединенными к Франции только потому, что они получили право быть представленными во французском парламенте. Так что и после того, как такое право было ей даровано, эта территория по-прежнему управляется в духе мандата.

Остановлюсь теперь на вопросе о якобы существующем моральном обязательстве. Судя по преамбуле предложенной резолюции, есть два факта, о которых могут сказать, что из них вытекает моральное обязательство. Первый из них тот, что все другие государства, управляющие территориями, которые находились прежде под мандатом, уже включили эти территории в систему опеки или предоставили им независимость. Второй факт — это резолюции Генеральной Ассамблеи от 9 февраля 1946 года и от 14 декабря 1946 года.

Что касается того, что все другие государства-мандатарии представили соглашения или предоставили независимость, то очевидно, что о моральном обязательстве правительства Южно-Африканского Союза, вытекающем из этого факта, можно было бы говорить только в том случае, если бы положение подмандатной территории Юго-Западной Африки существенно не отличалось от положения других территорий, ранее находившихся под мандатом. Мое правительство уже не раз обращало внимание на существенные отличия, которые действительно имеются. Надеюсь, что представители позволят мне еще раз напомнить об этих отличиях.

Во-первых, налицо тот факт, что эта территория относится к категории «С» подмандатных территорий, которые должны были управляться как неотъемлемые части управляющих государств и для которых как сам устав Лиги На-

ций, так и его составители не предусматривали другого будущего, кроме как включения каждой из них в управляющее государство в качестве самоуправляющейся его части. Уже одно это делает эту территорию во многом отличной от большинства других.

Во-вторых, есть и другие, еще более заметные отличия, ставящие эту территорию в совершенно обособленное положение среди подмандатных территорий. Юго-Западная Африка сопредельна с Южно-Африканским Союзом, и ее не отделяют от него никакие естественные рубежи — недаром с этой территории уже дважды исходила угроза для национального существования Южно-Африканского Союза. Все народности этой территории находятся в этническом родстве с африканским населением Южно-Африканского Союза. В административном отношении эта территория и Южно-Африканский Союз уже настолько слились воедино, что международное наблюдение могло бы явиться вмешательством в чисто внутренние дела не только этой территории, но и самого Южно-Африканского Союза. Думаю, что я вправе об этом сказать, учитывая некоторые замечания, которые сегодня были сделаны. В таких вопросах, как таможенные и акцизные сборы, железные дороги и порты, иммиграция, полиция, оборона, рынки, контроль над ценами и распределение некоторых важнейших продуктов, между территорией и Южно-Африканским Союзом существует самая тесная интеграция. Кроме того, в этой территории в отличие от всех других бывших подмандатных территорий большинство жителей высказалось против соглашения об опеке.

Правда, эта Ассамблея выразила мнение, что туземное население территории еще не достигло такого уровня развития, чтобы оно могло высказывать свое мнение по такому вопросу. Надо иметь в виду, однако, что в числе жителей этой территории есть также и европейцы и что они в равной мере имеют право голоса. Они высказывают такое же категорическое мнение, а что касается туземного населения, то, каков бы ни был его уровень развития, мое правительство не склонно разделять точку зрения, что в этом, как и в любом другом вопросе, касающемся их нынешнего или будущего благосостояния, с мнением туземного населения можно вообще не считаться.

Я слышал сегодня заявление, будто огромное большинство — сотни тысяч африканцев Юго-Западной Африки против нынешней системы. Это неверно. Есть, правда, некоторое число африканцев из племени гереро — 10 000 из 300 000, — которые высказались против присоединения к Союзу и против нынешней системы, но мы никогда и не скрывали этого факта от Генеральной Ассамблеи. Мы всегда открыто говорили о том, что это небольшое меньшинство выступает против присоединения и против сохранения мандатной системы. Но сбрасывать со счета ясно выраженное мнение как европейцев, так и туземцев было несовместимо с той миссией, которую приняло

на себя по мандату правительство Южно-Африканского Союза.

Уже одно только это, по моему скромному мнению, опровергает точку зрения тех, кто считает, что действия других государств-мандатариев возлагают на нас моральное обязательство поступить так же. Но есть еще и другие обстоятельства. Только в отношении этой территории была сделана специальная оговорка. Она была сделана в Сан-Франциско перед подписанием Устава, а также на первой сессии Генеральной Ассамблеи в Лондоне. Здесь говорилось, что у всех могли найтись оговорки, но, как бы то ни было, мы сделали эту оговорку, и этот факт известен всем сторонам. Правда, эта оговорка не стоит рядом с подписью правительства Южно-Африканского Союза под Уставом. Но причина этого очень проста. Оформлять оговорку не было никакой нужды, потому что Устав совершенно очевидно не возлагает никакого обязательства поступить в отношении этой территории только определенным образом, в данном случае представить для нее соглашение об опеке, а не иначе. Тем не менее мое правительство во избежание всяких будущих недоразумений сочло необходимым сформулировать свою позицию в отношении этой территории совершенно точно. Это было сделано единственно правильным и подобающим способом, то есть путем официального заявления, которое было представлено в Сан-Франциско в качестве документа Конференции.

Правда, когда этот документ был потом зачитан представителем Южно-Африканского Союза в Комитете, занимавшемся положениями Устава, которые касаются опеки, Председатель этого Комитета объявил его не относящимся к делу, но лишь постольку, поскольку его оглашение могло быть истолковано, как выражение Комитетом своего мнения или принятие им какой-то меры в отношении будущего этой территории, а не как иллюстрация того, с какими трудностями связано управление подмандатными территориями, отнесенными к категории «С». Таким образом, документ этот объявили не относящимся к обсуждаемому вопросу только в таком смысле, как я сейчас сказал, и на том основании, что он касался будущего определенной территории, в то время как Комитет занимался не какими-нибудь территориями в отдельности, а общими принципами системы опеки. Но это нисколько не меняет того бесспорного факта, что этот документ был передан в Секретариат как документ Конференции, что он был распространен среди делегаций в качестве такового и, стало быть, доведен до сведения представителей других государств.

При отсутствии юридического обязательства по Уставу мы сделали все, что было необходимо. Мы открыто заявили о наших намерениях, и, в отличие от других государств, которые бесцеремонно присоединили к себе крупные территории с миллионами жителей, мы не собирались ничего предпринимать, не проконсультировавшись предварительно с населением этой территории и не

подождав, когда этот вопрос обсудит Организация Объединенных Наций.

После того как мы сделали это заявление и повторили его на первой сессии Генеральной Ассамблеи в Лондоне, какие же могут быть основания для того, чтобы заявлять сейчас, что действия других государств-мандатариев, представивших соглашения об опеке, налагают на правительство Южно-Африканского Союза моральное обязательство поступить точно так же? Сделав эти оговорки, мое правительство заранее объяснило, что для Юго-Западной Африки характерны особые и заметные отличия, выделяющие ее из всех других подмандатных территорий. А поскольку оно это сделало, оно не может согласиться с тем, что какие-либо действия, предпринятые в отношении других подмандатных территорий, находящихся в совершенно иных условиях, возлагают на него какое-то моральное обязательство.

Вот почему мое правительство убеждено, что представление соглашений другими государствами-мандатариями не создает для нас морального обязательства представить такое же соглашение для Юго-Западной Африки. Вот почему также являются несостоятельными утверждения, будто такое обязательство вытекает из часто здесь упоминавшегося духа Устава. По-моему, дух Устава не предписывает не считаться с юридическими правами государств по международному праву, так же как он не диктует какому-либо государству отказаться от миссии, возложенной на него по мандату, и начать выполнять другую, иного характера миссию, притом вопреки воле тех, кого это в первую очередь касается, то есть вопреки воле населения территории, находящейся в управлении государства-мандатария. Я считаю поэтому, что до принятия резолюций, о которых я говорил, на моем правительстве не лежало абсолютно никакого морального обязательства заключать соглашение об опеке.

Как же и в чем, должны мы спросить себя, эти резолюции изменили положение? Из сказанного мной вытекает, что, по мнению моей делегации, эти резолюции были приняты не для того, чтобы обеспечить выполнение правительством Южно-Африканского Союза какого-либо реального юридического или морального обязательства. Когда эти резолюции принимались, никакого такого обязательства, ни юридического, ни морального, не существовало. Важно иметь это в виду, когда мы оцениваем силу этих резолюций. Кроме того, первая резолюция, принятая в феврале 1946 года, была не больше чем приглашением, направленным всем государствам-мандатариям, представить соглашения. Это важное обстоятельство. Создавало ли это приглашение моральное обязательство там, где раньше его не существовало? Если да, то слово «приглашение», по-видимому, теряет в этом случае свой смысл. Тогда мы стоим перед фактом, что отклонить приглашение Генеральной Ассамблеи нельзя, не совершая морального проступка. Тогда приглаше-

ние — это уже не приглашение, а правило морального кодекса. Но это, конечно, значило бы придавать чересчур большой смысл тому, что сама Генеральная Ассамблея назвала приглашением, и не больше.

Перехожу теперь к декабрьской резолюции 1946 года; ясно, конечно, что эта резолюция уже больше чем приглашение. Она содержит в себе рекомендацию. А это ставит перед нами такой важнейший вопрос: в какой мере рекомендации Генеральной Ассамблеи являются обязательными для государств-членов? Я не хочу, чтобы позиция моего правительства в этом вопросе понималась неправильно.

Представитель Мексики цитировал некоторые мои высказывания в Четвертом комитете и цитировал их совершенно правильно. Но он, может быть, плохо понял или неправильно истолковал то, что я хотел сказать. Я хочу уточнить нашу точку зрения.

Смею думать, что мы все согласны с тем, что такие рекомендации — то есть рекомендации этой Ассамблеи — не носят такого же обязательного характера, что и нормы международного права. Наша Ассамблея не является законодательным органом. Ее рекомендации не могут создавать юридических обязательств там, где их раньше не существовало. Не могут они, по-моему, и предписывать обязательные правила международной морали. Хотя эта Ассамблея и может от случая к случаю выражать современные моральные принципы человечества в международных делах, она не может безапелляционно решать, что такие-то действия должны одобряться, как морально правильные, а такие-то осуждаться, как морально неправильные. Иными словами, позволю себе сказать, что рекомендация по самому смыслу этого слова не есть строго обязательное предписание, будь то юридическое или моральное.

Я не хочу, однако, этим сказать, что рекомендация не влечет за собой вообще никакого обязательства. Я готов признать, что одно обязательство она влечет за собой. Но, по моему мнению, это обязательство заключается только в следующем: каждое государство, которого та или иная рекомендация касается, обязано добросовестно и внимательно ее рассмотреть, выполнить ее, если к тому представляется хоть какая-нибудь практическая возможность, и не оставлять ее без внимания по каким-нибудь явно неосновательным и легковесным мотивам.

Эту обязанность мое правительство добросовестно выполнило. Оно самым внимательным образом рассмотрело декабрьскую резолюцию 1946 года. И в той мере, в какой позволяли обстоятельства, оно ее выполнило. Не знаю, учли ли в достаточной степени этот факт некоторые делегации. Идя навстречу пожеланиям этой Генеральной Ассамблеи и с одобрения парламента Южно-Африканского Союза, оно решило не включать в Союз территорию Юго-Западной Аф-

рики. Однако по причинам, о которых я уже несколько раз говорил, мое правительство, так же как и парламент Союза, сочло для себя невозможным пойти дальше. Вы можете не соглашаться с моим правительством, но я самым серьезным образом должен сказать, что вы поступите несправедливо, если отмахнетесь от этих доводов как неосновательных или бездоказательных, и вы также несправедливо поступите, если осудите мое правительство как виновное в невыполнении обязательств.

Именно по всем этим причинам моя делегация не может поддержать ни резолюцию, представленную Комитетом, ни эту же резолюцию в исправленном виде. Я все время старался занимать последовательную позицию в этом вопросе. Моя делегация не может присоединиться ни к какой резолюции, с поправками или без них, которая бы просила правительство Южно-Африканского Союза или рекомендовала бы ему сделать то, что оно при самом внимательном рассмотрении этого вопроса честно, по совести считает для себя невозможным сделать.

Позвольте мне закончить тем, с чего я начал: я хочу обратиться к представителям с просьбой обдумать еще раз те факты и аргументы, которые я перед ними изложил. Я уверен, что если они сделают это, то, может быть, еще придут к выводу, что нет ни юридической, ни моральной необходимости ставить правительство Южно-Африканского Союза перед резолюцией, еще более настойчивой, чем прежние, которую оно не сможет выполнить не потому, что не хочет сотрудничать в полную меру своих сил с другими членами Организации Объединенных Наций, а потому, что ему мешают это сделать известные вам факты и обстоятельства, относящиеся к этому вопросу.

Я обращаюсь сегодня к вам с этой просьбой от имени моей страны, которая в конце концов, как это подчеркнул здесь г-н Эватт, многое сделала, чтобы существование Организации Объединенных Наций стало возможным. Пусть наша роль здесь была небольшой. Зато мы сыграли немалую роль в борьбе против сил фашизма и нацизма. Мой руководитель, фельдмаршал Сметс, отдал весь свой жизненный опыт государственного деятеля построению этой новой Организации, с которой весь мир связывает сейчас свои лучшие надежды. Если мои коллеги, которые еще не определили официально своей позиции, вспомнят и подумают об этом прошлом, им, я уверен, не понадобятся заверения с нашей стороны, что Южно-Африканский Союз не способен ни на какие злонамеренные и безрассудные действия, которые могли бы уличить его в неуважении к принципам Устава, ибо это было бы совершенно несовместимо с его традициями и с его желаниями.

В заключение я хочу выразить мою глубокую благодарность всем тем, кто обнаружил такое понимание наших трудностей, что не настаивал

на том, чтобы вынести нам порицание, кто не захотел каким-нибудь другим способом усложнить задачу нашего государства, самое горячее желание которого — быть лояльным членом Организации Объединенных Наций.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я в некоторой нерешительности, что нам теперь делать. Мне говорили, что надо дать возможность обсудить вопрос, какую процедуру принять в отношении голосования. Могу ли я, не проводя формального голосования, получить от представителей указание, хотят ли они решить вопрос о порядке голосования сейчас или отложить его до 20 часов 15 минут. Пусть те, кто считает, что лучше решить этот вопрос насчет голосования сейчас, поднимут руки.

Совершенно ясно, что представители хотят закончить с этим вопросом сейчас же. Пятьдесят один голос был подан за это.

Необходимо решить, нужно или нет для решения обсуждаемого нами вопроса большинство в две трети. Решение по вопросу, необходимо или нет большинство в две трети, должно быть принято простым большинством.

Слово предоставляется представителю Ирака.

Г-н ДЖАМАЛИ (Ирак) (*говорит по-английски*): Вопрос действительно очень серьезный и очень важный. Как правило, в таких случаях необходимо большинство в две трети. Однако мы не впервые принимаем это решение. Оно для нас не ново и лишь подтверждает прежнее решение. Это подобно тому, как вслед за посылкой письма посылают напоминание.

Для решения этого вопроса не требуется большинства в две трети. Достаточно будет простого большинства для подтверждения нашего прежнего решения. Таково мнение моей делегации и других делегаций.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Австралии.

Г-н ЭВАТТ (Австралия) (*говорит по-английски*): Я считаю, что, в соответствии с Уставом, решить, важный это или не важный вопрос, должен Председатель. Этот вопрос не решается голосованием членов. Решения по важным вопросам принимаются большинством в две трети, а добавить какой-нибудь вопрос к списку важных вопросов можно простым большинством, хотя исключить что-нибудь из этого списка простым большинством нельзя. Соответствующая статья Устава содержит ясные указания на этот счет.

Я согласен с представителем Ирака, что нынешняя резолюция отчасти повторяет прошлогоднюю рекомендацию. Но делает ли это ее менее или более важной? Если она выносится на обсуждение второй раз, значит она важна.

Это вопрос, решить который должен Председатель. Я считаю, что, по Уставу, его долг решить

этот вопрос. Если он вынесет неправильное решение, мы можем с ним не согласиться. Правильная процедура состоит в том, что Председатель Генеральной Ассамблеи должен решать, важен тот или иной вопрос или нет. Если решение опротестовывается, его можно изменить.

Я не могу себе представить более важного вопроса, чем этот, когда нам предлагают осудить путем голосования поведение одного из членов Организации Объединенных Наций. Мы не последний раз сталкиваемся с таким вопросом. Не исключены и другие случаи, может быть даже на нынешней сессии Генеральной Ассамблеи, когда поведение какого-нибудь члена подвергнется обсуждению, подобно тому, как мы обсуждаем здесь поведение Южно-Африканского Союза.

Вы можете согласиться осудить какую-нибудь страну, хотя бы в косвенной форме, и можете не согласиться. Разве это не важно? Разве считал кто-нибудь из представителей, из тех, что выступали сегодня здесь, этот вопрос не важным? Не имеет значения, относится этот вопрос к опеке или нет. Упоминание в статье 18 опеки — это лишь указание на то, что, если какой-нибудь вопрос относится к этой области, это само по себе доказывает его важность.

Я считаю, что обсуждаемый вопрос важен не только потому, что он относится к этой области; он важен еще и в силу самого содержания резолюции. В самом деле, в ней говорится, что член Организации Объединенных Наций не выполнил рекомендации Генеральной Ассамблеи; что он должен выполнить рекомендацию Генеральной Ассамблеи; и резолюция устанавливает — я не говорю закон, но моральное обязательство.

Здесь доказывалось, что каждое государство-член обязано передать подмандатные территории под опеку.

Я не могу припомнить какого-нибудь более важного вопроса, чем этот. Я считаю, что Председатель должен вынести решение, и тот, кто заочтет его опротестовать, должен будет в соответствии с нашими правилами процедуры сделать это немедленно. Тогда встанет вопрос об отмене этого решения. Я считаю, что по Уставу мы должны действовать именно так. Председатель должен решить, важен этот вопрос или не важен; Генеральная Ассамблея простым большинством может добавить какой-нибудь вопрос, если того пожелает, к списку важных вопросов. Однако она не может простым большинством превратить какой-нибудь вопрос из важного в не важный.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Франции.

Г-н МЕЙЕР (Франция) (*говорит по-французски*): Ответ на стоящий перед нами вопрос дает в общих чертах статья 18 Устава.

Я не буду останавливаться на том, должна ли предложенная нам резолюция, — а она, как

здесь отмечалось, является отчасти лишь повторением прошлой резолюции, — голосоваться в том или ином порядке; потому что, как только что сказал д-р Эватт, если я правильно его понял, дело просто-напросто в том, необходимо или нет в данном случае большинство в две трети.

Подходить к решению этого вопроса в соответствии со статьей 18 можно с двух точек зрения.

С точки зрения масштаба дискуссии, которую он вызвал, деловых качеств тех ораторов, которые в ней участвовали, и важных последствий, которые она может иметь, вопрос этот, несомненно, важный, что само по себе требует в данном случае применения пункта 3 статьи 18.

Однако хочу обратить ваше внимание на один факт: в силу по крайней мере некоторых пунктов, которые в ней содержатся, эта резолюция определенно подпадает под действие пункта 2 той же статьи, который требует, чтобы решения по вопросам, относящимся к функционированию системы опеки, принимались большинством в две трети.

Представитель Республики Гаити в своей речи, которую мы слушали с большим интересом, заявил, что этот список должен считаться ограничительным, как всякое ограничение в общем праве. Я бы хотел, чтобы это так было, но смею заметить, что для ограничительного списка он необычно широк, поскольку последняя категория, указанная в пункте 2, — это бюджетные вопросы. Между тем каждый знает, что под бюджетными вопросами можно понимать как голосование самого бюджета, так и бюджетные последствия той или иной резолюции.

Очевидно, что, если бы этот пункт статьи носил действительно ограничительный характер, он не заканчивался бы такой широкой категорией вопросов.

Что же надо считать вопросами, относящимися к функционированию системы опеки?

По мнению делегации Франции, вопросами, относящимися к функционированию системы опеки, являются вопросы, связанные с применением положений глав XII и XIII Устава. Мы уже однажды констатировали этот факт, когда речь шла об утверждении соглашения об опеке, представленного для территории Науру. Это соглашение должно было быть одобрено, и оно было одобрено большинством в две трети. Сейчас стоит вопрос о том, чтобы установить, должно ли быть представлено соглашение об опеке для определенной территории. А это, как мы видели, по меньшей мере столь же важный вопрос, что и детали того или иного представленного соглашения.

Мне представляется очевидным поэтому, что для решения вопроса, который мы сегодня обсуждаем, необходимо большинство в две трети.

Наконец, в предложенной нам резолюции (документ А/422) содержатся инструкции, которые Ассамблея должна дать Совету по Опеке:

Генеральная Ассамблея, — говорится в предложенной резолюции, — *«уполномочивает Совет по Опеке рассмотреть тем временем недавно представленный правительством Южно-Африканского Союза доклад о Юго-Западной Африке и представить по нему свои заключения Генеральной Ассамблее»*.

Я полагаю, следовательно, и утверждаю, что, какое бы толкование ни давалось словам «вопросы, относящиеся к функционированию системы опеки», этот пункт предложенной нам резолюции касается самого Совета по Опеке, он предоставляет ему полномочия в конкретном вопросе, вследствие чего эта резолюция определенно подпадает под действие пункта 2 статьи 18, который требует для ее принятия большинства в две трети голосов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я оказываюсь в очень трудном положении. Я предпочел бы предоставить самой Генеральной Ассамблее решить этот вопрос, но вместе с тем я не хочу создавать прецедент, что могло бы иметь серьезные последствия.

Секретариат сообщил мне, что г-н Аранья обещал поискать в стенограммах и проверить свои прежние высказывания по этому вопросу.

Слова нашего первого Председателя, г-на Спаака, во французском и в английском текстах стенограммы переданы по-разному. Во время перебива на ленту из архива извлекли звукозапись того, что он сказал, и это высказывание было записано.

На прошлой сессии Генеральной Ассамблеи, 14 декабря, г-н Поль Спаак сказал — мой перевод будет, возможно, несколько вольным, но, уверяю вас, он будет лучше того, что я мог бы сказать по-французски: «Господа, я считаю, что по этому вопросу, — то есть по вопросу, который мы обсуждаем, — лучше будет провести поименное голосование, и я думаю, мы все согласны с тем, что для принятия этой резолюции необходимо большинство в две трети».

Думаю поэтому, что я должен избрать путь, предложенный нам г-ном Эваттом. Основываясь на прецеденте, который установил на прошлой сессии Ассамблеи г-н Поль Спаак, я заявляю, что, по моему мнению, для принятия этой резолюции необходимо большинство в две трети.

Слово предоставляется представителю Филиппин.

Г-н КАБИЛИ (Филиппины) (*говорит по-английски*): К сожалению, я не могу согласиться с решением, которое вынес Председатель.

Во-первых, г-н Аранья уже решил, что вопрос о том, должна ли эта резолюция быть принятой большинством в две трети или простым большинством, должен быть предоставлен на усмотрение Генеральной Ассамблеи. Поэтому решение исполняющего обязанности Председателя противоречит решению г-на Араньи.

Предложение представителя Австралии, чтобы этот вопрос был решен Председателем, а если представители не согласятся с решением Председателя, то они могут его опротестовать, является попыткой обойти и нарушить желание некоторых представителей решить этот вопрос простым большинством, потому что, если я не ошибаюсь, для отмены решения Председателя необходимо большинство в две трети.

Правильной процедурой будет, если представитель Австралии опротестует уже принятое г-ном Араньей решение предоставить этот вопрос на усмотрение Генеральной Ассамблеи.

Поэтому при всем уважении к решению, которое сейчас вынес Председатель, я прошу, чтобы он пересмотрел его из уважения к тому решению, какое уже принял постоянный Председатель, заявивший, что вопрос о необходимости большинства в две трети или простого большинства надо оставить на усмотрение членов Генеральной Ассамблеи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Представитель Филиппин вправе опротестовать мое решение, и я даю ему полное право это сделать. Я должен бы был это сделать при любых обстоятельствах. Я уже объяснял, что положение создалось довольно сложное. Однако мы не можем продолжать обсуждать этот вопрос всю ночь.

В соответствии с правилом 68 правил процедуры я должен заявить, что представитель Филиппин опротестовал мое решение или интерпретацию, какую я дал. Поэтому я предлагаю поставить мою интерпретацию на голосование.

Слово предоставляется представителю Пакистана.

Сэр ЗАФРУЛЛА ХАН (Пакистан) (*говорит по-английски*): Мы должны разрешить этот конкретный вопрос. Заявлял ли постоянный Председатель, что этот вопрос должен быть решен Генеральной Ассамблеей? Если он этого не заявлял, то мы должны считаться с вашим решением. Если ваше решение не будет должным образом опротестовано и отменено, оно останется в силе. Однако, если постоянный Председатель действительно сделал заявление, какое ему приписывают, то в таком случае этот вопрос уже решен и вам, г-н Председатель, не надо принимать нового решения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я уже указал, что нахожусь в значительном затруднении, но никто не может вести заседание, пытаясь установить, что имел в виду предшествующий Председатель. Представитель Филиппин возразил против моего решения. Я хочу ясно указать, что считаю его возражения законными. Однако в соответствии с положениями правила 68 я предлагаю поставить его возражение на голосование.

Слово к порядку ведения заседания предоставляется представителю Ирана.

Г-н ЭНТЕЗАМ (Иран) (*говорит по-французски*): Я прошу слова к порядку ведения заседания. Если вы поставите вопрос таким образом, г-н Председатель, то я думаю, что большинство делегаций окажется в затруднительном положении, ибо никто из нас не желает голосовать против принятого вами решения. Однако, поскольку мы обсуждали вопрос, какое большинство необходимо — простое или в две трети, вы можете поставить перед Ассамблеей вопрос в следующей форме: одобряет Ассамблея большинство в две трети голосов или простое большинство? В этом отношении имеются прецеденты по вопросу, касающемуся Южно-Африканского Союза.

В прошлом году, во время спора между правительствами Индии и Южно-Африканского Союза, был поднят вопрос, какое большинство следует применить — в две трети или простое. В этом случае Председатель обратился к Ассамблее, и вопрос был решен Ассамблеей.

В силу этого, г-н Председатель, я прошу вас не ставить вопрос о том, согласна ли Ассамблея с вашим решением или нет, так как, я повторяю, нам не хотелось бы голосовать против него. Лучше спросите, придерживается ли Ассамблея мнения, что этот вопрос следует решать большинством в две трети голосов, или достаточно простого большинства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Аргентины.

Д-р АРСЕ (Аргентина) (*говорит по-испански*): Представитель Ирана только что совершенно справедливо напомнил нам о событии, о котором я хочу упомянуть, чтобы доказать, что в данном случае для принятия резолюции требуется большинство в две трети голосов.

Это событие произошло во время прошлогодней сессии Ассамблеи, когда мы обсуждали вопрос об индийцах, проживающих в Южно-Африканском Союзе, и о некоторых мерах, принятых по отношению к ним правительством этой страны.

Тогда⁸ я поднялся на трибуну и призвал Ассамблею высказаться за решение вопроса двумя третями голосов по причинам, о которых я говорил в то время и которые, очевидно, были достаточно вескими, ибо некоторые представители — и я отдаю должное прямоде делегации Уругвая, которая по существу вопроса голосовала против моего тезиса, — заявили, что я прав, требуя, чтобы резолюция принималась двумя третями голосов. Когда было произведено голосование, то мое предложение было принято; следовательно, Ассамблея решила, что необходимо большинство в две трети голосов, по существу же вопроса я остался в меньшинстве.

Почему в данном случае необходимо, чтобы вопрос решался большинством в две трети? Во-

⁸ См. Официальные отчеты второй части первой сессии Генеральной Ассамблеи, пленарные заседания, стр. 189.

первых, потому что так гласит Устав. Мне нет необходимости доказывать это; достаточно прочесть Устав; кроме того, об этом уже говорили многие другие ораторы. Но я хочу привлечь внимание к аргументу, уже использованному здесь два или три раза, к аргументу, который чуть не заставил меня взять слово раньше и который заставил меня взять слово теперь. Если мы пришли к этому решению в прошлом году, то почему в этом году необходимо большинство в две трети? Но затем мне пришлось в голову, что если в этом году мы примем решение простым большинством и в следующем году это повторится, то может настать такое время, когда Ассамблея примет резолюцию, о которой идет речь, большинством всего в один голос.

Если в прошлом году резолюция была достаточно важна, чтобы голосование по ней требовало большинства в две трети голосов, то она важна и в этом году и будет важной во веки веков, до дня последнего суда. Ни наши желания, ни голосование какой-либо делегации не изменят ни существа, ни содержания вопроса, который мы обсуждаем.

Почему требуется большинство в две трети голосов? Потому что так гласит Устав и потому что в Уставе также говорится, что вопрос, касающийся Совета по Опеке, является важным. Представитель Франции только что показал это с типичной для французского ума ясностью и точностью. И то же самое говорится в статье 18.

Но у этого вопроса, однако, есть два аспекта, которые лежат вне юрисдикции Ассамблеи. Этот вопрос затрагивает внутренние дела государств. В этом году я повторяю то, что уже заявлял ранее: до тех пор пока я заседаю в Ассамблее, ни одна резолюция не будет поставлена на голосование более или менее поспешно, ни одна резолюция не будет решена простым большинством, если она касается вопросов, которые государства не отнесли к компетенции Организации Объединенных Наций. Внутренние дела наших стран, о которых специально не говорится в Уставе, не отнесены к компетенции Ассамблеи, и в отношении этих вопросов Ассамблея не имеет юрисдикции. Следовательно, Ассамблея не имеет права выражать свое мнение по ним.

Мне, конечно, могут ответить, что члены Генеральной Ассамблеи сомневаются, внутреннее это дело или нет, а также точно ли и правильно ли я процитировал пункт 7 статьи 2 Устава. Конечно, это может случиться; одни могут придерживаться одного мнения, другие — другого.

Важен или не важен вопрос о том, нарушает резолюция Устав или не нарушает? Я бы считал, что это самый важный вопрос. Поэтому, очевидно, в данном случае необходимо большинство в две трети голосов.

Далее, эта резолюция подразумевает осуждение одной из стран, составляющих Организацию Объединенных Наций. Организация Объединен-

ных Наций была создана не для того, чтобы вести войну или осуждать страны, не для того, чтобы служить местом пустых многодневных дискуссий, местом, где повторяются речи, в которых говорится одно и то же. Организация Объединенных Наций была создана для поддержания международного мира, а не для того, чтобы осуждать своих членов или вести войну с ними.

По этим причинам я считаю, что Председатель постановил правильно, указав, что необходимо большинство в две трети голосов для принятия решения. Я решил просить слова, несмотря на правило 68 правил процедуры, потому что представитель Филиппин получил слово и выступил против решения Председателя, а я считал, что по крайней мере один член Ассамблеи может взять слово и выступить в поддержку Председателя.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я хотел бы продолжить работу Ассамблеи, но мне также хотелось бы проявить справедливость по отношению к обеим сторонам. В списке желающих выступить я вижу еще ряд представителей. Я сейчас дам слово одному представителю, желающему поддержать представителя Филиппин и в силу этого возражающему против решения Председателя. Мы заслушаем двух ораторов, представляющих обе точки зрения, и затем перейдем к голосованию.

Г-н КАБИЛИ (Филиппины) (*говорит по-английски*) (*с места*): Прошу слова к порядку ведения заседания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Мы обсуждаем вопрос о порядке ведения заседания, уже поднятый представителем Филиппин.

Г-н КАБИЛИ (Филиппины) (*говорит по-английски*) (*с места*): Я хочу взять слово к порядку ведения заседания в связи с предложенным для обсуждения вопросом и имею право быть выслушанным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Филиппин.

Г-н КАБИЛИ (Филиппины) (*говорит по-английски*): Я взял слово к порядку ведения заседания, ибо при всем моем уважении к Исполняющему обязанности председателя у меня сложилось впечатление, что он меня неверно понял. Я не обращался к представителям с предложением отменить решение Исполняющего обязанности председателя. Я не вносил официально такого предложения. Я просто обратился к Исполняющему обязанности председателя, призывая его отказаться от своего решения ставить этот вопрос на голосование с применением правила о большинстве в две трети голосов, потому что постоянный Председатель уже высказал свое мнение, согласно которому вопрос о том, будет ли при голосовании требоваться большинство в две трети или простое большинство, должен быть решен Генеральной Ассамблеей.

Так как я не оспаривал решения Председателя, то решение Исполняющего обязанности председателя ставить этот вопрос на голосование неверно. Я повторяю, г-н Председатель, что я не оспариваю вашего решения. Я просто обращаюсь к вашему чувству беспристрастности и справедливости.

Я хочу указать, что постоянный Председатель Генеральной Ассамблеи, прежде чем уступил место Исполняющему обязанности председателя, заявил, что вопрос о том, будет ли предложение голосоваться большинством в две трети голосов или нет, зависит от Генеральной Ассамблеи.

Теперешнее решение Председателя совершенно отличается от решения нашего постоянного Председателя. Обращаясь к вам, г-н Председатель, я просто противопоставляю решение Исполняющего обязанности председателя решению, принятому постоянным Председателем. Я повторяю, что не оспариваю решения Исполняющего обязанности председателя. Я обращаюсь к вам, потому что наш постоянный Председатель заявил, что нам следует обратиться за решением о том, будет ли при голосовании требоваться большинство в две трети голосов или простое большинство, к Генеральной Ассамблее.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Мы обсуждаем вопрос о порядке ведения заседания. Слово предоставляется представителю Индии.

Г-н СЕТАЛВАД (Индия) (*говорит по-английски*): Моей делегации совершенно ясно сложившееся положение. Член моей делегации выступил к порядку ведения заседания, когда вопрос впервые встал на Генеральной Ассамблее. В то время Председатель заявил Генеральной Ассамблее и, насколько я помню, неоднократно повторял это, что данный вопрос может быть поставлен на обсуждение, но что касается того, необходимо ли при голосовании большинство в две трети голосов или простое большинство, то это должно быть решено Генеральной Ассамблеей после того, как ораторы закончат свои выступления по существу вопроса.

Насколько мы понимаем, Председатель решил, что в связи с принятым им решением был поднят вопрос к порядку ведения заседания. Не остается ничего иного, кроме как выполнить это решение и поставить предложение на голосование. Вопрос состоит в следующем: необходимо простое большинство или большинство в две трети голосов? В силу этого сложилось, как мне кажется, следующее положение: уже имеется решение Председателя, согласно которому вопрос должен быть решен голосованием Ассамблеи. Вопрос этот заключается в том, следует ли применить правило большинства в две трети голосов или простого большинства.

Если же, наоборот, такого решения не было — а я думаю, что все скажут мне, что такое решение было, — то тогда я считаю, что Председатель

постановил, что этот вопрос требует большинства в две трети голосов. Если это так, то, согласно правилу 68, решение Председателя должно быть оспорено. Существуют только эти две возможности. Поэтому теперь нам следует перейти к голосованию. Таково желание моей делегации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Индийский представитель разъяснил вопрос. Как указал индийский представитель, в любом случае должно иметь место голосование. И теперь, согласно правилу 68, мы перейдем к голосованию.

Слово предоставляется представителю Пакистана.

Сэр ЗАФРУЛЛА ХАН (Пакистан) (*говорит по-английски*): Я боюсь, что с тех пор, как вопрос был поднят представителем Филиппин, он остался невыясненным. Прежде всего следует разрешить один фактический вопрос. До того как будет проведено голосование, мы должны установить, вынес ли Председатель решение о том, что этот вопрос должен быть решен Генеральной Ассамблеей. Если Председатель постановил, что этот вопрос будет решен Ассамблеей, то тогда эту проблему можно считать урегулированной, так как по ней уже вынесено решение; больше никаких решений выносить уже нельзя.

Первый вопрос, который ждет ответа, — это отнес или не отнес Председатель решение вопроса о том, требуется ли большинство в две трети голосов или простое большинство, на усмотрение Генеральной Ассамблеи. Нынешний Председатель не сказал об этом ни слова, и я прошу его определить, вынес ли Председатель или не вынес свое решение по этому вопросу. Тогда мы сможем покончить с этим. Если Исполняющий обязанности председателя заявит, что Председатель не вынес решения отнести этот вопрос на усмотрение Генеральной Ассамблеи, то тогда его постановление можно оспаривать только в соответствии с обычной процедурой.

Но вопрос, поднятый представителем Филиппин и затронутый также представителем Индии, заключается в том, решил или не решил Председатель, что после обсуждения эта проблема будет разрешена Генеральной Ассамблеей. Если он так решил, то не требуется никакого другого решения со стороны Председателя и его последующее решение не должно приниматься во внимание.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я хочу указать, что единственная причина, которая задерживает нас от перехода к голосованию по этому вопросу, — что, как я понимаю, считает необходимым, чтобы мы сделали, представитель Пакистана, — заключается в том, что представители желают высказаться.

Слово предоставляется представителю Соединенных Штатов Америки.

Г-н ДАЛЛЕС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Насколько я понял, г-н Председатель, вы решили, что необходимо большинство в две трети голосов. Правило 68 гласит, что ваше решение может быть опротестовано, и, как я понимаю, ваше решение было опротестовано. Правило 68 также гласит, что протест должен быть немедленно поставлен на голосование. Но вот прошло уже полчаса, а даже для всемирной организации это немало. Я прошу, чтобы этот вопрос был поставлен немедленно на голосование. И, согласно правилу 80, я прошу, чтобы было проведено поименное голосование, потому что полагаю, важно знать, кто считает этот вопрос важным и кто так не считает.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я надеюсь, что мой коллега не считает, что я поступил по отношению к нему несправедливо. Было два способа перейти к голосованию по этому вопросу. Первый состоял в истолковании того, что сегодня утром сказал Председатель. Второй заключался в том, чтобы принять решение и предоставить Генеральной Ассамблее высказаться по нему. Речь идет о том, что, по мнению Председателя, это важный вопрос, требующий большинства в две трети голосов. Я прошу тех, кто придерживается этого мнения, сказать «да», а тех, кто придерживается противоположного мнения, сказать «нет». Представители, как и обычно, имеют право воздержаться.

Г-н ДЖАМАЛИ (Ирак) (*говорит по-английски*) (*с места*): По какому вопросу мы голосуем?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Мы голосуем по толкованию, сделанному Председателем; согласно этому толкованию проблема, которую мы обсуждаем, является важным вопросом. Я прошу тех, кто считает, что это важный вопрос, требующий большинства в две трети голосов, сказать «да», а тех, кто так не считает, сказать «нет».

Г-н ДЖАМАЛИ (Ирак) (*говорит по-английски*) (*с места*): Голосуем ли мы по решению Председателя или по существу? Это разные вещи. Если речь идет о решении Председателя, то я не буду голосовать против него; а если меня спросят о моем мнении по существу проблемы, то это уже другой вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я боюсь, что мы не можем так голосовать. Я прошу вас считать это вопросом по существу, и я хочу вас заверить, что я не буду никоим образом считать ваше голосование критикой по адресу Председателя. Это был просто один из способов перейти к голосованию, и я надеюсь, что каждый или каждая из вас изучит этот вопрос. Теперь я прошу тех, кто считает, что это вопрос существа, требующий большинства в две трети голосов, сказать «да», а тех, кто так не считает, сказать «нет».

Проводится поименное голосование. Результаты голосования следующие:

Голосовали за: Аргентина, Австралия, Бельгия, Боливия, Бразилия, Канада, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Дания, Доминиканская Республика, Эквадор, Египет, Сальвадор, Франция, Греция, Исландия, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Никарагуа, Норвегия, Парагвай, Перу, Швеция, Турция, Южно-Африканский Союз, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки, Уругвай, Венесуэла.

Голосовали против: Белорусская Советская Социалистическая Республика, Китай, Чехословакия, Эфиопия, Гватемала, Гаити, Индия, Иран, Ирак, Ливан, Либерия, Пакистан, Филиппины, Польша, Саудовская Аравия, Сиам, Сирия, Украинская Советская Социалистическая Республика, Союз Советских Социалистических Республик, Югославия.

Воздержались: Афганистан, Куба, Гондурас, Мексика, Панама.

Отсутствовали: Йемен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Предложение, согласно которому эта проблема является важным вопросом, требующим большинства в две трети голосов, принято 31 голосом против 20 при 5 воздержавшихся.

Я полагаю, что теперь нам следует перейти к голосованию вопроса по существу. В соответствии с нашими правилами процедуры мы должны сначала принять решение по поправке, предложенной Данией.

Слово к порядку ведения заседания предоставляется представителю Индии.

Раджа сэр Магарадж СИНГ (Индия) (*говорит по-английски*): Вы можете быть помните, г-н Председатель, что я уже говорил сегодня, что моя делегация примет решение голосовать или за поправку Дании или за резолюцию Четвертого комитета только после того, как нам станет известно решение о том, будет ли эта резолюция или поправка требовать большинства в две трети голосов. Теперь, когда голосование показало, что требуется большинство в две трети голосов, я хотел бы лишь сказать, что индийская делегация, хотя она с самого начала и предпочитала поправке Дании, или датской резолюции, чем она была вначале, свой собственный текст, теперь будет голосовать за поправку Дании.

Причина этого проста: было решено, что требуется большинство в две трети голосов, а мы считаем, что очень желательно, и вообще необходимо, чтобы была принята по крайней мере резолюция по этому вопросу, которая подтверждала бы предыдущие рекомендации и призывала бы правительство Южно-Африканского Союза подготовить и представить соглашение об опеке. Естественно, мы делаем это с сожалением, однако нас вынуждает необходимость, и в данных условиях индийская делегация будет голосовать за датскую поправку. В ином случае не бу-

дет принято никакой резолюции, что, по моему мнению, было бы совершенно нежелательным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я считаю, что Генеральная Ассамблея желает принять предложение, которое только что внес представитель Индии и согласно которому следует поставить на голосование резолюцию с поправкой Дании. Если это так, то я предлагаю перейти к голосованию резолюции с поправкой Дании, опубликованной в документе А/429.

Прежде чем мы перейдем к голосованию, я предоставляю слово представителю Южно-Африканского Союза.

Г-н ЛОУРЕНС (Южно-Африканский Союз) (*говорит по-английски*): Я хотел бы полностью разъяснить позицию моей делегации. В этом вопросе на меня не влияют соображения конъюнктурного порядка. То, как я буду голосовать, не будет зависеть от того, какое решение принято ранее. Что касается меня, то дело здесь идет о принципе, а на принципы моего правительства не оказывают влияния конъюнктурные соображения, связанные с каким-либо голосованием, имевшим место ранее.

Выступая от имени моего правительства, я занимал последовательную позицию. Эта позиция заключается в том, что мы не можем принять никакого предложения, в котором требуется или рекомендуется, чтобы мое правительство представило соглашение об опеке.

Для того чтобы сохранить последовательность своей позиции, моя делегация должна голосовать против поправки Дании. Мы поступаем так не потому, что не хотим принятия датской поправки к основному предложению, и не потому, что мы не ценим духа этой поправки. Мы поступаем подобным образом, так как не можем голосовать за что-либо, что является неотъемлемой частью рекомендации Четвертого комитета, предлагающей нам представить соглашение. По этой причине я предлагаю провести голосование по поправке Дании.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я сказал, что если Генеральная Ассамблея согласна, то ставится на голосование резолюция вместе с поправкой Дании.

Сейчас я считаю, что представитель Южно-Африканского Союза возразил против поправки к резолюции. В этих обстоятельствах мы должны перейти сначала к голосованию по поправке Дании. Если поправка Дании будет принята, то затем на голосование будет поставлена резолюция с поправкой. Если поправка Дании не будет принята, то на голосование будет поставлена резолюция без поправки.

Здесь была высказана просьба провести поименное голосование.

Г-н МЕЙКИН (Австралия) (*говорит по-английски*) (*с места*): Я не прошу проводить поименного голосования по поправке Дании, но я

прошу, чтобы по вопросу существа было проведено поименное голосование.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Мы переходим к голосованию по поправке Дании, которая фигурирует в документе А/429.

Проводится поименное голосование. Результаты голосования следующие:

Голосовали за: Афганистан, Бразилия, Чили, Китай, Колумбия, Дания, Эквадор, Египет, Эфиопия, Франция, Гватемала, Гаити, Исландия, Индия, Иран, Ирак, Ливан, Либерия, Мексика, Нидерланды, Норвегия, Пакистан, Панама, Перу, Филиппины, Саудовская Аравия, Сиам, Швеция, Сирия, Украинская Советская Социалистическая Республика, Союз Советских Социалистических Республик, Соединенные Штаты Америки, Уругвай, Венесуэла, Йемен, Югославия.

Голосовали против: Аргентина, Австралия, Бельгия, Боливия, Куба, Никарагуа, Польша, Турция, Южно-Африканский Союз.

Воздержались: Белорусская Советская Социалистическая Республика, Канада, Коста-Рика, Чехословакия, Доминиканская Республика, Сальвадор, Греция, Люксембург, Новая Зеландия, Парагвай, Соединенное Королевство.

Отсутствовали: Гондурас.

Поправка принимается 36 голосами против 9 при 11 воздержавшихся.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Сейчас мы переходим к голосованию по резолюции, опубликованной в конце доклада (документ А/422) с поправкой, внесенной делегацией Дании. Поправка была только что принята. В соответствии с решением Генеральной Ассамблеи, эта резолюция требует большинства в две трети голосов.

Проводится поименное голосование. Результаты голосования следующие:

Голосовали за: Афганистан, Боливия, Бразилия, Белорусская Советская Социалистическая Республика, Чили, Китай, Колумбия, Куба, Чехословакия, Дания, Эквадор, Египет, Эфиопия, Франция, Гватемала, Гаити, Исландия, Индия, Иран, Ирак, Ливан, Либерия, Люксембург, Мексика, Нидерланды, Норвегия, Пакистан, Панама, Перу, Филиппины, Польша, Саудовская Аравия, Сиам, Сирия, Швеция, Украинская Советская Социалистическая Республика, Союз Советских Социалистических Республик, Соединенные Штаты Америки, Уругвай, Венесуэла, Югославия.

Голосовали против: Аргентина, Австралия, Бельгия, Канада, Сальвадор, Греция, Никарагуа, Турция, Южно-Африканский Союз, Соединенное Королевство.

Воздержались: Коста-Рика, Доминиканская Республика, Новая Зеландия, Парагвай.

Отсутствовали: Гондурас, Йемен.

Резолюция с поправкой принимается 41 голосом против 10 при 4 воздержавшихся.

Заседание закрывается в 19 час. 25 мин.

СТО ШЕСТОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

*Суббота, 1 ноября 1947 года, 21 час.
Флошинг Медоу, Нью-Йорк*

Председатель: г-н О. АРАНЬЯ (Бразилия).

В отсутствие г-на Аранья г-н Бельт (Куба) занимает председательское место.

58. **Соглашения об опеке для самоуправляющихся территорий:** доклад Четвертого комитета (документ А/423)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Гаити, Докладчику Четвертого комитета, который представит доклад этого Комитета.

Г-н ДОРСЕНВИЛЬ (Гаити) (*говорит по-французски*): Четвертый доклад Четвертого комитета (документ А/423) посвящен вопросу о представлении соглашений об опеке для самоуправляющихся территорий в соответствии с условиями пункта 1 статьи 77 Устава.

После долгих прений, в ходе которых основное внимание было уделено вопросу о политике, которая должна проводиться в отношении этих территорий, с тем чтобы обеспечить их развитие, а не факультативному характеру положений Устава, был принят проект резолюции, где выражается надежда, что члены Организации Объединенных Наций, ответственные за управление этими самоуправляющимися территориями, предложат в соответствии с пунктом 1 статьи 77 Устава соглашения об опеке.

Эта резолюция, которую я сейчас считаю, рекомендуется для принятия Генеральной Ассамблеей:

«Принимая во внимание, что в момент создания Организации Объединенных Наций имелось в виду, что самоуправляющиеся территории будут добровольно включены в международную систему опеки государствами, несущими ответственность за управление ими, и что такое намерение воплощено в подпункте с пункта 1 статьи 77 Устава Организации Объединенных Наций;

принимая во внимание, что международная система опеки, в соответствии с высокими принципами и целями Устава, представляет собой вернейший и быстрейший способ, позволяющий народам зависимых территорий достигнуть под колллективным руководством и контролем Организации Объединенных Наций самоуправления или независимости;